

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

*Карма фамильных
бриллиантов*

ЗИМНЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Ольга Володарская

Карма фамильных бриллиантов

«ЭКСМО»

2008

Володарская О. Г.

Карма фамильных бриллиантов / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2008

Все называли ее старой ведьмой. За глаза! В лицо не смели, зная, какой Элеонора Шаховская была злопамятной... Прощать она не умела, зато мстила изобретательно! Всем без исключения, даже тем, кого когда-то любила... Главную семейную реликвию – огромный бриллиант, подаренный одному из предков самой Екатериной Великой, – она спрятала, а указания, как его искать, зашифровала, чтобы наследники перегрызли друг другу глотки... Так она мстила, не предполагая, что это приведет к убийству двух человек. И едва не погубит внучку Анну, единственного человека, которому Элеоноре не за что было мстить...

© Володарская О. Г., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
День первый	6
Ева	6
Аня	13
Сергей Отрадов	19
Ева	25
Эдуард Петрович Новицкий	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Человек медленно поднимался по лестнице, держа в руке «браунинг», и торжественно думал о том, что час расплаты пробил и совсем скоро стерва получит по заслугам. Вот сейчас она вернется домой, вся из себя роскошная, уверенная, успешная: подкатит к дому на своем крутом джипе, войдет в подъезд, поднимется на свой этаж, выпорхнет из лифта, шагнет к двери и остолбенеет, увидев *его* ...

Да, она остолбенеет, эта сучка, потому что никак не ожидает увидеть его здесь. И уж никак не ожидает мести! Думает, что ей все сошло с рук. Только зря! Такие, как она, роскошные, самоуверенные, успешные, иногда получают по заслугам. А уж ей, этой гадине, давно пора преподать урок!

Человек, не сдержав злорадного смешка, преодолел последнюю ступеньку и, перебросив «браунинг» из одной руки в другую (на обеих были вязаные перчатки), нырнул за стоявшую в фойе (а попросту на лестничной клетке) кадку с пальмой. Он был не уверен, что стерва вернется скоро, но готов был ждать сколько угодно, ведь месть, как известно, блюдо, которое поедают холодным...

Часть I

День первый

Ева

Ева вышла из супермаркета и, поежившись от холода, быстро направилась к своему джипу, забралась в просторный салон, поспешно скрываясь от колючего зимнего ветра. Устроившись, швырнула на заднее сиденье пакет с покупками, стряхнула с белокурых волос снежинки, аккуратно провела подушечками пальцев по нижним векам, стирая несуществующие потеки туши, и затем посмотрела на себя в зеркало. Как и следовало ожидать, отражение было безупречным – влагостойкий макияж Евы Новицкой не могли испортить ни ветер, ни снег, ни мороз, а ее красоту – ни недосып, ни похмелье, ни насморк (в данный момент она страдала от всех этих напастей вместе взятых).

Одобрительно улыбнувшись своему отражению, Ева завела мотор. Пока машина грелась, ее хозяйка поглядывала в окно, прикидывая, в каком направлении двинуть, чтобы побыстрее выехать со стоянки супермаркета. После осмотра периметра Ева пришла к неутешительному выводу – куда ни поверни, везде пробки, а у шлагбаума очередь, как на границе с Литвой в дни забастовки таможенников.

– Чертовы праздники! – выругалась Ева сквозь зубы. – Все как с ума посходили! – Она долбанула кулаком по клаксону, заметив, что какая-то идиотка прокатила нагруженную тележку в опасной близости от хромированного бампера ее джипа. – Убила бы... – рыкнула она. И в сердцах добавила: – Кто бы знал, как же я ненавижу Новый год!

Да, Ева на самом деле ненавидела Новый год. Как и Рождество, и Пасху, и прочие семейные праздники. Когда народ носился по магазинам в поисках подарков, ломал голову над тем, какое угощение приготовить, чтоб всех удивить, украшал дома дурацкими гирляндами, она ходила раздраженная и злая, презирая всех вокруг. Ее бесило общее лицемерие – Ева не верила, что все эти люди, увешанные пакетами с бездарными подарками, скупающие елки, шампанское, красители для яиц, искренне радуются приближению праздника, замирая от восторга в его предвкушении, а не совершают привычный и обязательный ритуал. А сами торжества... Разве могут семейные сборища за ломящимся от жратвы и выпивки столом доставить удовольствие нормальному человеку? Только пьяницам, для кого праздник – законный повод надраться, да вечно голодающим дурам, позволяющим себе разговляться только на Новый год и Пасху, и еще престарелым тетушкам, коих родственники так редко приглашают в гости, что в другое время трудно найти слушателя, готового внимать рассказам на тему «А вот в наши годы...».

Представляя такие вот «праздники», Ева всякий раз передергивалась и радовалась тому, что у нее нет семьи. Ей уже исполнилось тридцать три, но она не обзавелась ни мужем, ни детьми, а с родственниками отношений не поддерживала. Даже с близкими – отцом и братом, не говоря уже о всяких двоюродных племянницах, тетях и дядях. Ни с теми, ни с другими Ева не хотела иметь ничего общего! Особенно с отцом, старым бандюганом по кличке Вульф, прошедшим на зоне полжизни и передавшим свои дурные наклонности сыну. Тот – милый мальчик Денис Новицкий, он же нежный пидорок Дусик, он же несостоявшийся поп-стар Дэнис – едва не прибил приживалку своей бабки, Аньку Железнову, за что загремел туда, откуда полжизни не вылезал его папаша.

Как говорится – яблоко от яблони... Видно, на генном уровне Дусику передалась тяга к насилию. А как иначе? Воспитывала Дениску и Еву (Ефросинью от рождения) бабка, которая с отцом, тюремным завсегдаем, детям видется не позволяла, боясь как раз дурного влияния. И вот, поди ж ты, не уберегла внука! Хотя могла бы, если бы в юности из дома его не выгнала. А она именно так и сделала! Как увидела Дусика, целующегося в подъезде с парнем, так и вышвырнула его из квартиры и из своей жизни. Только из сердца долго вышвырнуть не могла. Любила, но не прощала – Элеонора Новицкая, Евина бабка, прощать не умела. И в этом Ева пошла в нее!

Ева все же выехала со стоянки, едва не протасив какой-то «жигуль», мешавший ей. Но не успела набрать приличную скорость, как пришлось остановиться на светофоре – по закону подлости красный загорелся сразу, как только она к нему подкатила. Чтобы во время стоянки не видеть, как по тротуарам носятся ополоумевшие от предновогодней суеты москвичи, а ряженные в Дедов Морозов магазинные зазывалы заманивают идиотов несуществующими скидками и бонусами, принялась красить губы. Пока ждала, когда загорится зеленый, к машине то и дело подбегали попрошайки, пытаясь выклянчить у владелицы роскошного джипа мелочь на хлебушек, лекарства, билет до дома, новый протез и так далее. На все эти просьбы Ева отвечала полным равнодушием. Она никогда не подавала милостыню, даже тем, кто явно в ней нуждался. Ее не трогали страдания обманутых вкладчиков, нищих старух, безногих афганцев и голодающих в далекой Африке детей. Ведь не зря ее величали «стервой» в глаза и «отпетой сукой» за глаза. Не зря журналисты, обожающие описывать скандальные выходки известной певицы Евы Шаховской, нарекли ее «ведьмой». И не зря мужики, все эти разномастные козлики, с деньгами и без оных, из-за нее плакали, страдали, изнывали, пытались покончить с собой...

Да, и такое было! Двое брошенных ею мужчин чуть не отправились на тот свет (один резал вены, второй травился), обоих, правда, спасли (первый взял тупую бритву, второй выпил до смешного мало таблеток), но не это суть важно, главное – без нее они не хотели жить, а что не умерли, даже хорошо: зачем ей ненужные угрызения совести, от них цвет лица портится...

Надо сказать, что сукой Ева была не всегда. Излишне самоуверенной, слегка заносчивой, порой надменной, но не более чем остальные красавицы, выросшие в отдельных арбатских квартирах и ни в чем не нуждающиеся. Когда-то она даже плакала из-за мальчиков и комплексовала из-за своего дурацкого имени. Но это было давно, классе в третьем. Потом уже мальчики плакали из-за нее, а имя она поменяла, велев всем величать себя Евой...

Уже в тринадцать Ева слыла первой красавицей школы. На нее ходили смотреть старшеклассники, а ребята-одногодки дрались из-за ее портфеля. Когда ей исполнилось четырнадцать, за ней стали ухаживать самые завидные «женихи» школы, но Ева, внимающая бабушке, как царице небесной, не обращала на них внимания.

«Будь приветлива, но холодна, – наставляла та внучку. – Ты же не хочешь, чтобы они решили, будто ты легкая добыча. Флиртуй, обнадеживай, но держи их на расстоянии. Всему свое время!»

В шестнадцать Ева решила, что время пришло – ей очень понравился парень из соседнего двора: молодой человек с эффектной внешностью и блестящими перспективами (на тот момент он перешел на четвертый курс МГУ). Они гуляли по ночной Москве, обнимались за столиками кафе, целовались по-взрослому, с языком. Ева так им увлеклась, что хотела отвадить остальных поклонников, но тут опять вмешалась бабушка:

«Не надо никого отваживать! Пусть вьются вокруг тебя. Чем их больше, тем лучше. Красивой женщине нужна свита и пара запасных вариантов!»

Ева, как всегда, послушалась, и правильно сделала, потому что студент ей через месяц надоел, а ему надоели детские обжимания за столиками, и они расстались. На место убитого

прибыла замена в лице друзей-курсантов, и Ева опять почувствовала себя в своей стихии. Она кокетничала, очаровывала, обнадеживала и ускользала, ускользала...

Ее любили, по ней сходили с ума. И причиной были не только ее красота, ум, женственность, но и умение подать себя. В то время, когда все девчонки шеголяли в джинсах с рваными коленками, в косухах, бейсболках, кедах, обвешивались кожаными браслетами, шнурками, феньками, она носила исключительно юбки, все элегантной длины до колена, модельные туфли, скромные золотые украшения. Ева умеренно красилась, не начесывала волосы в стог, но умудрялась быть модной. Ей подражали, фасоны ее платьев перерисовывали, чтобы заказать в ателье подобные, но никому не удалось стать хоть чуть-чуть похожей на нее. Ни у одной из девочек, включая дочерей дипломатов и внучек завмагов, не было такой портнихи, как у Евы Новицкой, такого вкуса, как у Евы Новицкой, такого чутья, как у Евы Новицкой, потому что у них не было такой бабушка, как у Евы...

Ева старалась во всем подражать Элеоноре. Она для нее была воплощением идеальной женщины. Часами девушка рассматривала старые фотографии бабушки и поражалась ее умению в любых обстоятельствах выглядеть сногшибательно. Даже на пикники Элеонора ездила не в спортивных штанах, на фоне тренировочно-панамочных теток она в светлых бриджах, удобных туфельках на низком каблуке, шляпке-канотье смотрелась, как герцогиня среди крестьянок... Ранним утром, только встав с постели, Элеонора облачалась в элегантно домашнее платье, шлепки на каблучке, подкрашивалась сразу после умывания, делала прическу. Ни один мужчина не видел ее в бигуди, с маской на лице. «Есть леди, которые выглядят, как шлюхи, – говорила Элеонора своей подруге Вете Голицыной, когда та начинала над ней подсмеиваться. – А есть шлюхи, выглядящие, как леди. Я из последних...» Ева эту фразу запомнила и взяла на вооружение.

...Первая кошка между бабушкой и внучкой пробежала в год, когда Ева заканчивала школу. Несмотря на блестящие способности к математике и языкам, девушка не собиралась поступать в институт (ее идеал – бабка высшего образования не имела, значит, ей это тоже не обязательно), но Элеонора настаивала. «Сейчас не те времена, чтобы без профессии оставаться – неразбериха, бардак, никакой стабильности, – втолковывала она Еве. – Да и мужик уже не тот, сам норовит бабе на шею сесть. Учись, пока бесплатно в вузы принимают, через пару годков только за деньги будут...»

Ева сделала вид, что вняла уговорам, а сама решила так: пока сдаю выпускные экзамены, ищу богатенького мужичка, за которого по-быстрому выхожу замуж, живу с ним пару лет, потом развожусь, меняю его квартиру, продаю свою часть и с деньгами возвращаюсь на Арбат под крылышко любимой бабули. Сомнений в том, что кандидат в супруги найдется так быстро, как она пожелает, у Евы не было – к ней мужики липли, словно мухи. А уж женить на себе прилипшего ей казалось делом плевым. Влюбить в себя, очаровать, раззадорить, а когда он будет умирать от желания ею обладать, заявить, что она девственница и намеревается лишиться невинности только после свадьбы... И куда он после этого денется? Женится, естественно, женится как миленький...

Все-таки здорово, думала Ева, что бабушка втолковала ей, какой ценный товар девичья честь. «Храни девственность до замужества, – всегда говорила Элеонора. – Супруг это оценит... при разводе...» И Ева хранила! Однако лишилась ее не с мужем (она ни разу не регистрировала свои отношения) и не с любимым, а с каким-то алкашом-авангардистом, который писал ее портрет в стиле «ню»...

Но произошло это не в выпускное лето, а чуть позже... После того как бабушка из кумира превратилась в тайного врага! А случилось это так...

Ева, не нашедшая достойного жениха до начала июля (именно тогда все ее одноклассники ринулись подавать документы для поступления в вузы), решила попытать удачи на ниве творчества, то есть поступить в ГИТИС на актерский факультет. Профессия хорошая, достой-

ная такой красавицы, а главное, не требующая, как Еве казалось, больших физических затрат: вышла, нарядная, к камере, покривлялась – и спи, отдыхай... С этими мыслями Ева отнесла документы в институт. Ее не смутил тот факт, что она совершенно не подготовлена, не испугал конкурс (тридцать человек на место), а мыслей о своей бесталанности она и не допускала.

Первый отборочный тур Ева прошла со скрипом. Спасла ее только красота, не оставившая равнодушным председателя комиссии. Однако всем, в том числе и абитуриентке, стало ясно – после второго тура ее отсеют. С этой бедой Ева побежала к бабушке. Элеонора, презиравшая неудачников, велела внучке «кровь из носу» поступить, а в помощь выделила одного из своих многочисленных поклонников – политического комментатора Баумана Андрона Евгеньевича, окончившего некогда театральный институт. Пятидесятитрехлетний Андрон был хорош собой, воспитан, интеллигентен, сексуален, умел прекрасно выглядеть и складно говорить. Он имел жену, официальную любовницу, кучу поклонниц, но это не мешало ему страдать по Элеоноре Новицкой. Ей в ту пору перевалило за семьдесят, и время уже оставило печать на ее лице в виде морщинок, однако она несколько не подурнела, казалось, годы только красят ее. Несмотря на то что Элеонора никогда не делала пластики, выглядела она прекрасно: не на сорок пять, как многие поклонницы эстетической хирургии, а на пятьдесят семь. Ухаживала она за собой истово: каждый день делала гимнастику, маски из целого продуктового набора (огурцы, клубника, мед, тертый картофель – чего она только не мазала на лицо), протирала кожу льдом, много спала, пила только сухое красное вино. В результате имела девичью фигуру и молоджавое лицо. А магнетизм и очарование, как известно, с возрастом не испаряются, поэтому мужчины по-прежнему обожали ее.

Андрон Бауман был одним из многих, но для Евы стал единственным.

Она влюбилась в него на первом же занятии. Он читал ей стихотворение, показывая, как это надо делать, а она слушала и таяла. Он признавался в любви какой-то незнакомке от лица поэта Есенина, а Еве казалось, что он, Андрон Бауман, изливает ей свою душу. К концу занятия Ева увязла в своем чувстве по макушку.

Они встречались еще дважды, все больше сближаясь. Бауман видел, как млеет в его присутствии юная красавица, но держал дистанцию – с несовершеннолетними связываться было опасно. Но когда Ева сама прыгнула к нему на колени и припала своими жаркими губами к его рту, он не мог не ответить, девчонка оказалась безумно сексуальной. Они страстно целовались, лежа на диване, когда бабушка с Дусиком пришли проведать Еву. Увидев, что вытворяет с ее внучкой Андрон (лифчика на Еве уже не было, вместо него грудь поддерживали ладони Баумана), Элеонора пришла в бешенство. «Старый кобель! – орала она. – Да как ты посмел?! Дотронуться до нее? Я тебя за это в тюрьму упеку! Как совратителя малолетних!» «Совратитель» чуть не умер на месте от стыда и страха, но ему на помощь пришла Ева. Так же экспрессивно, как бабушка, она стала доказывать, что Андрон не виноват, это она, Ева, его соблазнила...

«Ты хотела отдаться этому павлину щипаному?» – ужаснулась бабушка. «Я люблю его! – провозгласила внучка. – И выйду за него замуж!» Тут пришла очередь ужасаться Андрону. Он не собирался менять свою супругу на семнадцатилетнюю сидушку, о чем тут же сообщил ей и бабушке, после чего был изгнан и навсегда отлучен от дома. Сразу после этого Элеонора повела Еву к гинекологу, дабы убедиться в том, что ее девственности не нанесен урон. Врач ее успокоил – внучка оставалась невинной, но Элеонора все равно приняла меры: посадила Еву под домашний арест, чтобы та не довела дело до конца. Выпустили ее из-под замка через неделю, когда все поклонники бабушки, молодые и старые, были разогнаны. Элеонора пожертвовала ими ради внучки. Раз они так падки на свежее мясо, а Ева так равнодушна к старенькому, нечего вводить и их, и ее в искушение.

После этого Элеонора внучке доверять перестала: она блюла ее, регулярно таскала к гинекологу. Ева же, смертельно обиженная бабушкиным недоверием, все еще страдающая по Анд-

рону, потихоньку стала бабушку ненавидеть. Она обвиняла ту в эгоизме, самодурстве, вмешательстве в личную жизнь, а главное, в том, что бабушка разрушила ее счастье... Наивная Ева не хотела верить в то, что Андрон забыл о ней по собственному желанию, ей думалось, это бабка его застрашала.

Через два года, в девятнадцать с половиной, Ева отдалась художнику-авангардисту. Некрасивому, немолодому, страдающему алкоголизмом мужику. Она решила: чем хуже, тем лучше! Не дала мне сделать *это* с красивым и любимым, вот тебе, получай! Евина месть осталась незамеченной – как раз в день, предшествующий плановому осмотру, Дусик умудрился нарисоваться со своим любовником перед Элеонорой, за что был изгнан из дома...

После этого Ева бабку окончательно возненавидела! А спустя несколько лет выжила из собственной квартиры, отселив в халупу на окраине.

Отомстила! Показала, кто умнее и хитрее...

Вернее, думала, что показала. А потом выяснилось, что показали ей... Кукиш! Шиш с маслом! Голый зад! Американский «фак» безымянным пальцем...

Старая ведьма переиграла молодую! Завещала баснословно дорогую и невероятно редкую коллекцию семейных украшений (*семейных драгоценностей* князей Шаховских, к роду которых принадлежала бабка, а значит, и Ефросинья!) своей приживалке Аньке Железновой, которая, как утверждала Элеонора, приходилась дочерью ее сводному брату, а по мнению Евы, просто была средством отомстить ей самой – в их родство она не верила. Единственная не верила. Остальные приняли выскочку Аньку за настоящую княжну и даже не пикнули, когда та присвоила себе семейные цацки.

При воспоминании о коллекции старинных украшений, уплывших из-под носа, Ева помрачнела еще больше. Два с лишним года прошло с того времени, а она все не могла успокоиться. Ей было до смерти обидно, что настоящие произведения ювелирного искусства, можно сказать, шедевры, достались голодранке Аньке, выросшей в загаженной коммуналке и ни черта не смыслившей в драгоценностях, тем более антикварных. Особенно Ева страдала из-за одного кольца. Бабка, до того как рассориться с внучкой, то и дело надевала его своей Фросеньке на шею, чтобы та привыкала к нему, поскольку почти три века оно являлось семейной реликвией, наследуемой старшими дочерьми той ветки рода Шаховских, которая пошла от имени того пращура бабки – князя Андрея Илларионовича. Кольце это было роскошным, а камни в нем – огромными. Цена этой «безделушки» явно зашкаливала за миллион (точной суммы Ева не знала, ибо реликвию никто не оценивал – семейные сокровища, как известно, бесценны), но Ева мечтала о кольце не из-за стоимости. Просто для нее владение семейной драгоценностью было делом принципиальным. Она считала себя законной наследницей – не по документам, а по крови, голубой крови (о матери-простолюдинке и дедушке «из простых» она не вспоминала), поэтому так жаждала заполучить кольцо. Заполучить и любоваться им, и гордиться им, и хвалиться – чтобы все эти выскочки из Дворянского собрания, у которых есть лишь липовые грамоты, передохли от зависти!

Но кольцо Еве так и не досталось. Оно ушло, как и многое из бабкиной коллекции, чмошнице Аньке. За это Ева ее всей душой возненавидела... А впрочем, зачем кривить этой самой ненавидящей душой? Уж себе-то можно признаться, что не только и не столько в цацках дело. Дело в том, что чмошнице Аньке досталось гораздо большее сокровище – роскошный мужик, лапочка, душка: адвокат Петр Моисеев, в которого Ева по-настоящему влюбилась. Впервые за многие годы! С тех самых пор – с Андрона! Да так, что сама себе удивлялась. Навязывалась ему, ничего не требуя взамен, себя предлагала, как последняя шлюха... А он...

А он ее отверг!

Нет, правильнее будет сказать – отшил. Яростно, холодно, обидно!

А потом женился на чмошнице Аньке! Потасил под венец, как положено, привел в свой дом, сделал эту дуру хозяйкой. Кто-то говорит «любовь», но Ева уверена – корысть. Падок ока-

зался душа адвокат на княжеские сокровища! Истинной наследнице рода Шаховских, утонченной красавице Еве, предпочел Аньку Железнову, ныне богатую наследницу старой Элеоноры, а некогда лохушку из коммуналки...

– Черт, жаль, что Дусик ее тогда не прибил! – зло рыкнула Ева, как делала всякий раз, вспоминая о своей так называемой родственнице.

Настроение от этих воспоминаний еще больше испортилось, и Ева, едва сдерживая злость, гнала по трассе, спеша быстрее попасть домой. Там уютно, комфортно, мило, там удобный диван, махровый халат, носки из верблюжьей шерсти, там можно скинуть с себя элитные шмотки, стереть с лица влагостойкий макияж, юркнуть в кровать и валяться, попивая любимую перцовку (и для успокоения нервов хорошо, и при простуде) и тупо пялясь в телевизор. Кто бы знал, как в последнее время Ева уставала от своей публичности, от тусовочной жизни, от этого чертового гламура! Хотелось плюнуть на все и, закрывшись в квартире, лопать запретные булки, пить горилку, ходить в верблюжьих носках, халате и хлопковых трусах, а главное, никого не видеть: ни журналюг, ни козликов-поклонников, ни фанатов, ни братьев по тусовкам, ни своего продюсера...

С этими отнюдь не приятными мыслями Ева подрулила к своему дому. Поставив машину на привычное место, она выбралась из салона, прихватив пакет с купленным провиантом. У двери замешкалась, доставая магнитный ключ от подъезда, но все же таки выудила его из кармана, открыла.

В фойе, на месте консьержа, сидела генеральша Астахова – старожилка этого старогородского дома в историческом центре Москвы. Бабка Еву ненавидела, но виду не подавала, поскольку боялась связываться со стервозной соседкой. Раньше она с удовольствием выплескивала на нее свою ненависть, но как только на место консьержа был пристроен старухин внук, стала с Евой предельно ласкова. Вот и теперь, едва увидев ее на пороге, растянула губы в вымученной улыбке и проскрипела:

– Здравствуй, Евочка, здравствуй, дочка... – Ева в ответ приветливо кивнула – несмотря ни на что, к старой гримзе она относилась с долей симпатии. Боевая бабка держала в узде весь подъезд, давая тем самым Еве повод считать ее человеком своей породы – породы стерв. А бабка тем временем продолжала: – А я вот Стасика своего подменяю. Пока он в уборную бегаёт. Всего на минуточку отлучился... Первый разочек за весь день.

На самом деле лентяй Стасик отлучался по пять раз на дню и на гораздо больший срок, но Еве не было до этого дела. Тем более что престарелой генеральской вдове она больше доверяла, чем ее шалопутному внуку, – точно знала, мимо этой гримзы без разрешения и мышья не проскочит, к тому же ее не купишь, не напугаешь, не перехитришь, а значит, наглые поклонники и предприимчивые фанаты не просочатся в подъезд Евиного дома...

– А к тебе гость, – крикнула вслед Еве генеральша. – Ждет на площадке. Я разрешила ему на диванчике посидеть...

– Гость? – переспросила та без особого удивления – к ней часто заскакивал ее продюсер без предварительной договоренности, и Ева просила его впускать в подъезд, в котором специально для таких вот визитеров стояли кресла, диваны и даже вешалки для одежды. – Гоша, что ли? Продюсер?

Астахова скривила своим морщинистые губы, изобразив, по-видимому, загадочную улыбку, и таинственно ответила:

– Сюрприз-и-из! Предновогодний!

Ева раздраженно закатила глаза, но приставать к старухе не стала, быстро зашагала к лифту. Пока поднималась на свой этаж, ломала голову над тем, кто же к ней мог заявиться. Ясно, что не чужак, раз Астахова егопустила, но Ева мало кого у себя привечала, разве что Гошу и его любовника (не только его, собственно, но и ее – паренек работал на два фронта) да своего стилиста, остальных, даже богатых ручных козликов, держала на расстоянии от своего жилья.

Когда лифт остановился, Ева пришла к выводу, что на площадке увидит Батыра, их общую с Гошей игрушку. Мальчик был невероятно хорош собой, юн, сексуален, и Ева иногда разрешала ему у себя ночевать (естественно, втайне от продюсера), как и являться без предупреждения – знала, что свободные от Гоши минуты парню выпадают редко.

Едва двери лифта разъехалась, Ева выскочила на площадку, но впопыхах забыла пакет, поставленный на пол кабины, чтоб не оттягивал рук. Пришлось вернуться. Подняв пакет с провиантом для одинокого пира, Ева обнаружила в его дне дыру, из которой торчал жестяной бок полулитровой банки с консервированной фасолью. Проклиная производителей некачественных полиэтиленовых мешков, Ева протянула руку к прорехе, чтобы удержать банку, но не успела – фасоль выскользнула из дыры, с невероятным грохотом рухнула на гранитный пол и покатилась к лестнице, грозя слететь по ней вниз. Чертыхаясь, Ева кинулась догонять банку.

Поймав «беглянку» уже на ступеньках и засунув в объемный карман шубы, запыхавшаяся Ева развернулась к своей двери, чтобы наконец попасть домой, и только тут вспомнила о госте. Вспомнила, увидев на стоявшем в холле (так теперь именовалась просторная лестничная клетка) диване скрючившуюся мужскую фигуру. Мужчина полулежал, отвернувшись к спинке, и тяжело дышал – его узкие плечи ритмично поднимались и опускались, а худая спина подрагивала.

– Эй! Ты кто? – обратилась к незваному гостю Ева, по тщедушной комплекции поняв, что перед ней не Батыр, тот был сложен, как гимнаст.

Мужчина в ответ застонал и чуть повернул к Еве лицо. Увидев его: голубоглазое, не по-мужски нежное, капризное, безвольное, она вздрогнула и инстинктивно сделала шаг назад. Перед ней лежал ее брат! Дениска Новицкий, Дусик, тот самый, о котором она только-только вспоминала, не желая при этом его видеть и мечтая лишь об одном – больше никогда его не встречать. И вот он тут! Ничего не скажешь, отличный подарок к растреклятому семейному празднику!

– Дусик, тебя уже выпустили? – спросила Ева первое, что пришло на ум. – И когда?

Дусик открыл рот, но слов Ева не услышала. Вместо них из полукрытых губ вылетел силпый стон. Затем из уголка рта на подбородок вытекла струйка густой пузырящейся крови.

– Дусик, что с тобой? – испуганно вскричала Ева, бросаясь к брату.

Схватив его за тщедушные плечи, Ева развернула Дусика к себе и, уставившись в его осунувшееся, посеревшее лицо с огромными глазами, спросила громким шепотом:

– У тебя что-то болит? Скажи, где?

Дусик, вмиг отяжелевший, стал заваливаться на сестру. Он по-прежнему не отвечал на вопросы, но теперь Ева и сама видела, где у него болит: в боку пульсировало кровью отверстие, похожее на сочащееся лавой жерло маленького вулкана...

– Дусик! – ахнула Ева, трясущимися руками прикоснувшись к ране в наивной надежде задержать хлещущую из нее кровь. – Кто это с тобой сделал, боже мой?!

– Слава... – едва слышно выговорил Дусик, выплюнув изо рта кровавую пену. – Слава-а-ва.

– Какой Слава? Кто это?

Он сморщился:

– Нет, ты не поняла... – Голос стал еще тише. Теперь Еве пришлось склониться к его губам, чтобы расслышать. – Слава. Найди его. Настоящего Славу... – Дусик вдохнул с каким-то невероятным сипом, будто загонял в свои легкие не воздух, а ржавую стружку, и выдохнул: – Найди Славу!

А выдохнув, умер у Евы на руках.

Аня

Аня закрыла за мужем дверь и прошла в кухню, чтобы сделать себе кофе. Почти всю жизнь она пила растворимый суррогат, сильно подслащенный и разбавленный молоком, но в последнее время научилась ценить свежемолотую арабику, приготовленную в турке по всем правилам. Правда иногда Аня все же возвращалась к своим старым привычкам – разводила в чашке сладкую бурду со сгущенкой и с наслаждением ее пила. Сегодня был именно такой день!

Приготовив жуткий напиток и два бутерброда с колбасой, Аня плюхнулась на диван. Пока завтракала, составляла план на день. Пунктов в нем значилось не менее пяти, но Аня пока не знала, в какой последовательности их расставить. То ли первым делом в салон заехать, чтобы брови подкрасить, – ее, владелицу золотой дисконтной карты, принимали там без очереди, то ли в институт податься, то ли в ЦУМ, чтобы забрать отложенную продавцами сумку из новой коллекции «Прада», то ли в книжный магазин, куда привезли заказанные ею журналы по флористике. После недолгих раздумий Аня решила перво-наперво сгонять в вуз, чтобы отдать контрольную, потом в магазин «Флора», где она работала дизайнером-консультантом, а уж после в произвольной последовательности посетить остальные места. Если же не получится из-за пробок, то не беда – главное для нее учеба и работа, а остальное, будь то хоть брови, хоть «кутюрные» сумки, вещи второстепенные.

Аня знала, что другие на ее месте рассуждали бы по-другому. Многие ее сокурсницы и коллеги по работе, узнав, что ее супруг один из успешнейших столичных адвокатов, удивленно интересовались, зачем ей при таком муже учиться и работать, если можно просто ловить кайф от жизни, бегая по салонам и упиваясь шопингом. Чаще всего в ответ Аня отшучивалась, иногда говорила полуправду – о том, что всю жизнь мечтала заниматься ландшафтным дизайном и флористикой, но главной причины не выдавала никому. А все дело было в том, что Аня не могла при столь великолепном муже оставаться той безграмотной дурочкой и неумехой, какой была до знакомства с ним. Изо всех сил она тянулась до его уровня, пытаясь соответствовать. Но ей все равно казалось, что она недотягивает, хотя из кожи вон лезет, чтобы стать его полноценным партнером: интересным, образованным, успешным.

Аня боготворила своего Петра. Он был первой ее любовью и первым мужчиной. До него она не встречалась с парнями. Она и не целовалась ни разу. Лишь в десять лет у нее было подобие романа – мальчик из параллельного класса (убогонький очкарик) в течение двух месяцев провожал ее до подъезда, таская за ней портфель. Потом он переехал в другой район, и Аня осталась одна – больше носить ее потрепанный рюкзачок, набитый тщательно подклеенными учебниками, желающих не нашлось.

Подруг у нее также не было. С одной девочкой, Танечкой Пугиной, такой же затюканной и неприкаянной, она сблизилась в классе пятом. Они вместе гуляли, болтали о всякой ерунде, обменивались скудными игрушками, жаловались друг другу на родителей: Анина мама гуляла, Танина пила, у Ани папы не было, Танин сидел. Но их дружба продлилась всего год – когда после летних каникул Аня увидела свою приятельницу, то не узнала ее. Это была не та Танечка, с которой они играли на парковых лавках в дочки-матери, то была другая девочка, да нет, девушка: ярко окрашенная, вызывающе одетая, с сигаретой в зубах и новым лексиконом, где излюбленным словом было «трахаться». Оказалось, что в первый день летних каникул Таню изнасиловал собственный отец, вернувшийся с зоны, а потом отправил ее на панель. Работа Танечке нравилась, ей казалось «прикольным» стонать и извиваться под мужиками за огромные (целых десять долларов!) деньги. Через пару месяцев Таня бросила школу, посвятив себя этому «бизнесу», а Аня вернулась к своему одинокому существованию.

Одноклассники ее презирали, учителя не воспринимали, мать (приемная, как выяснилось после ее смерти) не любила, а уж материны любовники просто ненавидели – она мешала им своим присутствием: без нее было бы больше места, еды, денег.

Частенько Шура выгоняла дочь из комнаты на всю ночь, чтобы в полной мере насладиться «любовью» с очередным уродом, и девочке приходилось спать на табуретках в кухне или в ванной, подложив под голову сложенное полотенце. Соседи ее жалели, а она была даже рада такому повороту, уж лучше на стульях, чем в их комнате, где слышишь, как скрипит диван, как хрюкает и бормочет всякие непристойности «урод», как охает, скулит, всхлипывает мать... Мерзко, мерзко, мерзко! В детстве Аня думала, что мать бьют, и вскакивала с мыслью отбить ее у мучителя. Аню за шкирку возвращали в кровать, грубо ругая и объясняя, что ТАК взрослые занимаются любовью. Любовью? Хрюкая и матерясь? Нет, Аня в это не верила!

Как на самом деле взрослые занимаются любовью, она узнала в семнадцать, когда увидела первый эротический фильм в своей жизни. Они нежно ласкают друг друга, целуясь и щебеча, на атласных простынях, под музыку или плеск волн. Они красивы, гибки, чувственны, они не запирают своих детей в шкафах и не мочатся в банки после секса, поскольку им не лень одеваться и выходить из комнаты...

Аня хотела *любить* только так! Поэтому до двадцати трех была девственницей... Элеонора Георгиевна Новицкая, за которой Аня в то время ухаживала, когда это узнала, не поверила, но, перестав сомневаться, похвалила: «Правильно, – сказала она, – жди своего принца, успеешь еще!»

Аня тогда и думать не могла, что дождется! Анька Железнова, рвань из коммуналки, и принц – разве такое в жизни случается?

Оказалось – да. В жизни все бывает! С ней, например, просто-таки сказочная история про Золушку приключилась. Только у Андерсена помощь затюканной злой мачехой замарашке оказала крестная фея, а Ане, такой же замарашке, обычная женщина Элеонора Новицкая. А произошло это вот как.

Чуть больше трех лет назад Аня Железнова, рвань из коммуналки, не имеющая ни нормальной профессии, ни денег, ни даже приличного пальто, стала ухаживать за одинокой старушкой Элеонорой Георгиевной Новицкой. Со временем девушка очень привязалась к пожилой женщине и приходила к ней не столько как социальный работник, сколько как подруга. Старушка жила почти в такой же нищете, как и Аня, только не в коммуналке, а в отдельной квартире на окраине Москвы... В ней она и умерла! Но не от старости – ее убили. Раритетным кинжалом легендарного сирийского воина Эль-Саладина, стоимость которого оказалась настолько огромной, что версия о простой бытовухе отпала сама собой.

Сразу после похорон Элеоноры Аня узнала, что старушка завещала все свое имущество (квартиру, сарай и участок в дачном кооперативе) именно ей. Еще Ане стало известно о том, что Элеонора не была ни бедной, ни одинокой. Она носила титул княжны Шаховской, всю жизнь прожила в шикарной квартире на Арбате, владела коллекцией антиквариата и имела кучу родственников. У нее был сын – преступный авторитет Эдуард Петрович по кличке Вульф, приемная дочь – депутат Государственной Думы Елена Бергман, сводный брат Сергей и внуки – светская львица Ева (именно она выжила бабушку из квартиры) и поп-певец Денис. И каждый из них ненавидел Элеонору лютой ненавистью. Дети и брат за то, что она разрушила их жизнь, а внуки просто мечтали заполучить баснословно дорогую коллекцию семейных драгоценностей клана Шаховских, коей владела их бабушка и которая после ее смерти словно сгинула.

Через месяц после оглашения завещания Аня переехала в квартиру Новицкой. Убираясь в ней, она нашла письмо Элеоноры Георгиевны, адресованное ей, в котором старушка сообщала, что она, Аня, ее внучка. В постскриптуме Элеонора велела ей искать какую-то собаку, которая где-то зарыта, и советовала Ане связаться со своей старой подругой Ветой Голицыной,

для того чтобы та все ей объяснила. Аня отправилась к Вете домой, но нашла ее убитой и со следами пыток на теле (похоже, некто пытался выпытать у Веты, где ее приятельница спрятала сокровища). Так что вопрос о происхождении долго оставался открытым. Аня ломала голову над тем, кто же из двоих детей бабы Лины ее родитель, но тут выяснилось, что у Элеоноры есть еще внебрачный ребенок – дочь Полина.

Но, как стало ясно при личной встрече, Полина не могла быть Аниной матерью, так как являлась умственно отсталым человеком – Элеонора родила большую девочку от своего единокровного брата Сергея, с которым у нее была страстная любовь. После рождения ненормальной Полины Элеонора разорвала отношения с братом. Сергей уехал на Дальний Восток, а вернувшись в Москву через много лет, закрутил роман с ее дочерью Еленой. Именно она и родила Аню, чуть не умерев при родах. Пока Елена лежала в больнице, Элеонора забрала внучку домой. Но так и не смогла ее полюбить. А так как на выздоровление Елены не было никакой надежды, бабка отдала Аню своей домработнице Шурке, у той как раз умерла новорожденная дочка. А выжившей Елене сообщила, что ее Анечка скончалась.

Но обо всем этом Аня узнала позже, когда, разгадав бабкин шифр, нашла «зарытую собаку» – фарфоровую копилку в форме бульдога. В пузе пса Элеонора спрятала дневники, а в голове – сокровища клана Шаховских. Так в одночасье Аня стала очень богатой и весьма родовитой барышней.

Убийцу Элеоноры вскоре нашли. Им оказался супруг Елены Алекс. Влюбленный в племянника своей жены – Дениса, Алекс мечтал разбогатеть, чтобы помочь своему Дусику удержаться на звездном олимпе, с которого тот вот-вот должен был низвергнуться. Он не ведал, что и сам Дусик предпринимает попытки завладеть сокровищами. Денис и сарай взломал, и в квартиру пытался проникнуть, а потом, доведенный до отчаяния, напал на Аню в подъезде ее дома. От смерти девушку спас следователь Головин, ведший дело Новицкой. Дусика посадили. Алекса тоже. Только Бергман в тюрьме умер, а вот о судьбе Новицкого Аня ничего не знала. И не хотела знать! О той истории она вообще вспоминать не желала. А вот бабушку Элеонору не могла забыть, ведь именно она, не фея, а необыкновенная женщина Элеонора Георгиевна Новицкая, помогла ей обрести счастье!

И помощь заключалась не столько в завещанных драгоценностях, сколько в том, что благодаря бабуле Аня узнала своего отца, Сергея Шаховского-Отрадова, свою настоящую мать, Елену Бергман, а главное – Петра Моисеева.

Когда Аня увидела его впервые (произошло это на похоронах Элеоноры), то даже зажмурилась – так ее поразила красота Петра. Стройный, высокий, голубоглазый, светловолосый, но при этом темнобровый и смуглый: кожа у него была, как Анин любимый кофейный напиток «Московский», сильно разбавленный молоком, Петр показался ей живым воплощением Аполлона Бельведерского. Потом оказалось, что Петр еще и чертовски умен, богат, талантлив, известен и... холост!

Понятно, что Аня не рассчитывала на то, что именно она станет той, кого адвокат Моисеев поведет под венец. Она, собственно, вообще ни на что не рассчитывала, кроме доброго отношения к себе, убогой. И поначалу именно так и было, но чем больше они общались, тем теплее Петр относился к Ане, находя в ней те качества, которые, по его мнению, делают женщину исключительной и желанной: доброту, порядочность, удивительные для современной девушки чистоту и нежность. Да, он не считал ее поначалу красивой и сексуальной, но искренне полагал, что Анюте достаточно за себя взяться, чтобы стать весьма привлекательной. И Аня взялась! Страхнув с себя имидж затюканной замарашки, она превратилась если и не в красотку, то в модную, прогрессивную и очень интересную даму. Она сменила гардероб, прическу, цвет волос, макияж. Записалась в фитнес-клуб, солярий, спа-салон. Поступила сразу в два учебных заведения: институт дизайна и школу флористов. Научилась водить машину.

Наняла педагогов по речи, этикету, манерам. Окончила кулинарные курсы и (тайно от всех!) курсы гейш... Короче, преобразилась до неузнаваемости!

И Петр Моисеев ее старания оценил. Оценил настолько, что предложил ей руку и сердце. Аня, естественно, согласилась, и вот уже год они муж и жена – Анна и Петр Моисеевы! Кстати, на днях будет их ситцевая свадьба, и свекровь, милейшая Надежда Григорьевна, подарит им что-нибудь из допотопного постельного белья, хранимого ею специально для такого случая...

Вспомнив Петину маму, Аня улыбнулась и зашарила глазами по кухне, чтобы отыскать в одном из закутков пса Данилку, лохматого симпатягу «дворянской» породы, принесенного в дом Надеждой Григорьевной в первые дни их медового месяца.

– Даня, малыш, кушать! – позвала Аня пса, обнаружив его, воровато покусывающего ее тапку, под своим стулом. – Да не обувь, дурачок, а «Педигри»!

С этими словами она сползла с высокого табурета и, захватив из большого пакета горсть сухого корма, кинула его в собачью миску. Но Даня патентованному песьему лакомству предпочел тапку хозяйки и не соизволил оторваться от трапезы.

– Ну и черт с тобой, – весело сказала Аня. – Жри резину и велюр, если хочешь! Твой корм слопают Юнона и Авось.

Юнона и Авось были котами сиамской породы. Их домой слепыми малышами притащила сама Аня еще до свадьбы. Котята были симпатягами с покладистым нравом, но, как подросли, стали вредными, капризными тварями с непомерным аппетитом. За Даней они подьедали все, даже собачий корм, а вот у хозяйки просто-напросто воровали еду с тарелки. Запрыгивали на стол и нагло тасили! А потом, поспешно сожрав украденную пищу, смотрели на Аню голодными глазами, будто в их клыкастых ртах не было и маковой росинки. И Аня накладывала им еще. А вот Петр, если замечал их безобразные выходки, на целый день отказывал нахалам в довольствии. И сколько они за ним ни ходили, мяукая, урча, подлизываясь, муж оставался непреклонным. За это, наверное, Юнона и Авось хозяйина и уважали. В отличие от хозяйки, с которой нагтели до безобразия.

«Ты слишком мягкая, – часто говорил ей Петр. – Ты их избаловала. С животными, как и с детьми, надо быть построже, иначе сядут на шею...»

Аня в ответ согласно кивала, а про себя думала – пусть садятся, особенно дети, о которых она страстно мечтала с первых дней замужества! Ей так хотелось иметь дочку, которую она планировала назвать Элеонорой, что мысли о долгожданном потомстве не оставляли Аню ни днем, ни ночью, ни даже с утра, за чашкой сильно разбавленного молоком растворимого кофе... Как теперь, например!

Стоило только Ане подумать о своей еще не рожденной (и не зачатой, если судить по циклу) дочке, как в животе что-то сжалось. Точно в предчувствии... А потом екнуло выше – под сердцем, и стало так тревожно, но в то же время радостно, что Аня засмеялась. Неужели беременна? Задержка пока двухдневная, и это ничего не значит – для нее нормально, если даже неделя, – но что-то подсказывает...

Аня приложила руку к своему плоскому (спасибо занятиям в фитнес-клубе) животу, прислушиваясь к ощущениям, но там, внутри, больше ничего не сжималось. И сердце билось в привычном ритме. Только Аня все равно знала – ребенок уже живет в ней. Пока он маленький-маленький, как песчинка, но скоро превратится в горошину, потом в орешек, а там не успеешь оглянуться, как на свет появится настоящий человек. Представив его, крохотного, незащитного, с беззубым ротиком и нежным пушком на круглой головке, Аня счастливо улыбнулась. Скоро и у нее будет такой малыш! Быть может, уже в грядущем году, в августе месяце (Аня посчитала на пальцах), то есть родится Лев. Это здорово, ведь Петр тоже относится к этому зодиакальному знаку, и значит, следующим летом они будут праздновать два дня рождения...

Стоп! – остановила себя Аня. Еще ничего не ясно, а она уже размечталась. Нет бы сначала проверить свою догадку, а потом месяц рождения высчитывать, тем более родиться ребенок может и раньше срока, тогда будет у нее Рак или...

Стоп еще раз! Пока нет полной уверенности, надо запретить себе мечтать, да и потом, когда уверенность появится, тоже, а то еще, чего доброго, сглазишь. Тьфу-тьфу-тьфу, мысленно сплюнула Аня. С тех пор как ее жизнь стала похожа на сказку про Золушку, девушка стала очень суеверной, боясь спугнуть удачу. Петр ее за это журил, а отец со смехом успокаивал, говоря, что ей теперь нечего опасаться, ведь ее хранит фамильный талисман. Он имел в виду роскошное кольцо с тремя огромными бриллиантами, передаваемое на протяжении двух столетий по наследству старшим дочерям рода Шаховских, которое, по легенде, приносило удачу его обладательницам. В легенды Аня не очень верила, но вынуждена была признать, что, как только фамильное сокровище попало к ней, жизнь ее круто изменилась, естественно, в лучшую сторону. И это при том, что Аня его надевала лишь дважды: в день получения, чтобы лучше рассмотреть, и на свадьбу. Остальное время кольцо, а также идущие с ним в комплекте кольцо и браслет, хранились в домашнем сейфе. Петр хотел запрятать его в банковский («талисман» стоил баснословно дорого, и муж беспокоился за его сохранность), но Аня упростила оставить кольцо в квартире, чтобы иногда доставать его и любоваться.

Делала это она нечасто, но все же иногда выуживала сокровище из бронированной сейфовой коробки, доставала из малахитового ларца и надевала на себя, любясь игрой камней. А иной раз и не надевала, а просто брала в руки, сжимала в горячих пальцах прохладные бриллианты и загадывала желания. Отцовская мысль о том, что фамильный талисман приносит удачу, засела в голове и всплывала в памяти перед всеми ответственными событиями в жизни. Неуверенная в себе от природы, Аня так сильно сомневалась в своих способностях, что для поддержания духа ей просто необходимо было заручиться поддержкой. Но чьей? Мужу она о своих слабостях и глупых переживаниях не рассказывала, боясь его разочаровать, немногочисленных друзей не хотела напрягать, а отца с матерью беспокоить по столь незначительным поводам стеснялась. Вот и приходилось обращаться за помощью к неодушевленным предметам! Кто-то к иконам прикладывался, кто-то пятаки под пятки подкладывал, кто-то кроличьи лапки тербил, а Аня взывала к фамильным бриллиантам, не до конца веря в их помощь, но очень-очень на нее надеясь...

Понадеялась и теперь!

Сорвавшись с места, она кинулась к замаскированному безвкусным натюрмортом сейфу – он как раз находился в кухне. Отодвинула картину, обнажив бронированную дверку с кнопками и электронным дисплеем, стала торопливо жать на цифры. «03 22 12 26». Числа рождения самых близких и родных: бабули, Петра, отца и матери. Введя шифр, Аня повернула маленькое колесико, ввинченное в эту электронную игрушку для ретрошика, и сейф открылся.

Аня достала с верхней полки малахитовый ларец (купленный за бешеные деньги специально для фамильного гарнитура – не лежать же ему в пакете), поставила его на стол, открыла. Радужный блеск бриллиантов, яркий, слепящий, завораживающий, привычно ударил в глаза. Аня инстинктивно чуть прикрыла веки и, шурясь, посмотрела на родовое сокровище. Прекрасно, как всегда, прекрасно! Потемневшее от времени золото, перевитое в мудреные жгуты, и не плененные металлом камни – лишь схваченные за кончики, свободно свисающие, как виноградины...

Аня бережно взяла в руки кольцо, погладила центральный бриллиант и зажмурилась. Пусть все исполнится, взмолилась она мысленно. То, о чем я намечтаю! Девочка родится, мальчик, Лев или Рак – не важно, главное, чтобы сейчас я была беременна...

Руки от переизбытка чувств чуть затряслись. Бриллиант, еще не успевший нагреться и увлажниться от ладони, скользкой льдинкой просочился сквозь пальцы, и, не встретив препятствий, дзинькнув камнем, бумцнув тяжелой золотой цепью, кольцо упало на кафельные плиты.

Аня быстро наклонилась, подобрала сокровище, расстроенная, сжала в кулаке. То, что оно упало, показалось ей плохим знаком. Это все равно что во время бракосочетания уронить кольцо – дурная примета. Морщась от досады на себя, растяпу, Аня разжала ладонь, чтобы дать бриллиантово-золотому чуду перетечь обратно в ларец, но так и застыла с раскрытой пятерней. А все потому, что центральный камень, самый крупный и прекрасный, приобрел дефект – трещину. Она рассекала многогранную поверхность бриллианта точно молния!

Не веря глазам – ведь бриллианты славятся именно своей прочностью! – Аня подставила камень под свет яркой лампы, вмонтированной в вытяжку, и всмотрелась в переливающуюся «виноградину». Блики, разноцветные вспышки, сполохи слепящего огня, ровные грани и... Черная зигзагообразная линия, уродующая камень, превращающая его из шедевра в некачественную подделку...

Бриллиант – старинный, семейный, огромный – знаменитый бриллиант рода Шаховских оказался всего лишь куском стекла!

Оглушенная этим открытием, Аня замерла с полуоткрытым ртом. Несколько секунд она простояла так, тупо пялясь на «фуфель», пока на нее не накатило какое-то неприятное, обладающее холодком чувство, заставившее отвести глаза от трещины, которая казалась ей зловещей раной, откуда может вытечь словно кровь вся ее новообетенная удача. То, что камень подделка – пусть, Ане все равно, но почему это открылось именно сейчас? Почему старинный страж треснул тогда, когда она, Аня, загадала самое сокровенное желание? Неужели это знак? Дурной, если не сказать, зловещий...

Трижды сплюнув через левое плечо (это была отцовская привычка, ей передавшаяся), Аня постаралась отогнать нехорошие мысли. И вроде бы у нее это получилось. Но все равно настроение испортилось настолько, что бутерброд с любимой варено-копченой колбасой не лез в глотку. Отложив его, а остывший кофе вылив в раковину, Аня направилась к телефону, чтобы позвонить мужу и рассказать о случившемся. Но едва ее рука коснулась трубки, как аппарат разразился пронзительным треньканьем. Вздвигнув от неожиданности, Аня отдернула руку. Дурное предчувствие вернулось и занозой впилося в сердце. Глянув на телефонное табло и увидев надпись «Номер не определен», Аня подумала: «Не возьму трубку», но аппарат все звонил и звонил, и каждый его сигнал отдавался ноющей болью в том месте, где сидела заноза. И Аня не выдержала – сняла трубку и тихо сказала в нее:

– Слушаю.

– Это Анна? – поинтересовался глухой голос. Такой глухой, что у Ани создалось впечатление, будто звонивший обернул трубку полотенцем, чтобы специально исказить голос.

– Да. А с кем я говорю? Представьтесь, пожа...

– Где Слава? – перебил ее собеседник. В его далеком шелестящем голосе послышалась угроза.

– Кто? – не поняла Аня.

– Ты знаешь, не притворяйся.

– Нет, я правда не понимаю...

– Ты должна сказать, где он. Ради собственного блага. Иначе ты пожалеешь...

– Вы мне угрожаете? – не столько испугалась, сколько разозлилась Аня.

– Предупреждаю, – бесстрастно ответили ей. – Если не хочешь кончить, как один твой родственник, скажи, как найти Славу.

– Я не знаю никакого Славу, и о ком из моих родственников вы говорите, тоже не догадываюсь, так что прощайте. А если вы еще посмеете мне позвонить, я заявлю в милицию, и вас в два счета вычислят...

В трубке раздался сдавленный смешок, затем очередная загадочная фраза:

– Зря. Слава этого не стоит...

И все! Больше он ничего не сказал – в трубке раздались частые гудки, и Аня положила ее на рычаг в полной уверенности, что этот странный звонок – лишь первое звено в цепи несчастий, напророченных расколовшимся фамильным амулетом.

Сергей Отрадов

Сергей открыл ноутбук, нашел файл с именем «Шаховские. История семьи» и стал бегло читать текст, по ходу внося в него некоторые изменения. Дойдя до главы «Георгий Шаховской», остановился и, сняв очки, устремил взгляд в окно, вызывая в памяти лицо того, о ком он написал: волевое, красивое, породистое. Оно было так похоже на его собственное.

Георгий был отцом Сергея. Князем от рождения, дипломатом по призванию, коммунистом по убеждениям, врагом народа по наговору. Отец умер в лагерях, когда Сережа был еще подростком, но многое успел рассказать о себе и своих предках. Несмотря на свои убеждения, Георгий гордился принадлежностью к роду Шаховских. Его предки были не выродившимися аристократами, просаживающими фамильные деньги на бегах, они служили отечеству, занимались дипломатией, политикой и покровительствовали науке – в одном крупном уездном городе до сих пор стоит планетарий, построенный прадедом Сергея, Алексеем Игнатьевичем, и поныне носящий его имя. Но Алексей Шаховской был не самым знаменитым представителем рода. Прославили его двое вояк: Василий и Андрей. Первый участвовал в памятном восстании декабристов [На самом деле декабрист Шаховской носил другое имя и не был военным. – *Прим. автора.*], а второй в каких-то тайных закулисных боях, за что получил от самой императрицы Екатерины Великой награду – огромный, кристально чистый бриллиант безупречной огранки.

Награда эта, к слову сказать, и увековечила Андрея в памяти потомков, поскольку царский подарок стал главным сокровищем рода Шаховских. Бриллиант был оправлен в золото высшей пробы, которому искусные ювелиры придали форму звезды. Получилась брошь, похожая на орден, а в центре ее – императорский презент в десятки карат. Это роскошное украшение Андрей надевал по особо торжественным случаям, а на смертном одре завещал сыну, чтобы тот впоследствии передал его своему. Но у Василия Андреевича народилось три дочери, и ни одной из них массивная брошь в качестве украшения не пригодилась, поэтому отец приказал бриллиант из оправы вынуть и изготовить для него другое обрамление. Ювелир, нанятый для этого, предложил сделать кольцо, очень скромное, единственным «перлом» которого должен был стать знаменитый камень. Василий согласился на кольцо, но только не на скромное, ему хотелось побольше жемчугов в обрамлении да мелких изумрудов. Ювелир еле его отговорил, предложив добавить в оправу в качестве компромисса еще два бриллианта, поменьше «царского», которые обещал разместить, как стражей, слева и справа от главного сокровища.

Так на свет появилось знаменитое кольцо Шаховских. А чуть позже были изготовлены еще серьги и браслет, выдержанные в том же стиле. Этот комплект на протяжении века передавался по наследству старшим дочерям клана Шаховских. По семейному преданию, он приносил счастье всем своим обладательницам. Шаховские считали, что именно благодаря этой дорогой безделушке самыми талантливыми, удачливыми в браке, плодовитыми и здоровыми были старшие дочери. А вот в семье Сережиного прадеда девочек не было вообще, поэтому гарнитур унаследовал его отец Георгий Шаховской, и он в свою очередь подарил комплект своей юной супруге на свадьбу. Ей он, правда, удачи не принес (жену его убили в семнадцатом году), как и ее дочке, Элеоноре, но Сережина сводная сестра прожила долгую, интересную жизнь, однако никто не назвал бы ее легкой и безоблачной. Элеонора много страдала, много и многих теряла, да и умерла не своей смертью...

Теперь гарнитуром владеет Сережина дочь Аня, и ей (первой из наследниц того-этого века) он приносит счастье!

Вспомнив о дочке, Сергей потянулся к телефону, чтобы позвонить ей, спросить, как дела, но передумал. Он и так замучил девочку своей любовью. А все потому, что обрел ее слишком поздно – в семьдесят. Всю жизнь прожил, считая себя бездетным, а в старости узнал, что у него есть дочь. Взрослая дочь. Удивительная: добрая, милая, красивая. Сергей полюбил ее сразу, как только познакомился. Даже до того, как узнал, что Аня его кровь и плоть. Ему просто очень понравилась эта нежная, неиспорченная девочка с «кудрявыми», как у Элеоноры, ушками. Когда же стало известно, что он приходится ей отцом, Сергей едва не умер от счастья!

Теперь, когда прошло два года, он поуспокоился, но все же Сергея нет-нет да одолевает щенячий восторг от сознания того, что он все ж таки оставил свой след на этой земле, и так не терпелось излить на этот след – дочку Анечку, – свою заботу, но... Сергей понимал, что это лишнее. Аня, конечно, отца любит и ждет его звонков, но она взрослая, и ей может показаться диким, если не навязчивым, его чрезмерное внимание. Вот и приходится Сергею Георгиевичу сдерживать свои бурные отцовские инстинкты, а чтобы не заикливаться на них, надо отвлекаться. Как именно – он только недавно придумал. А до этого маялся (дело свое год назад продал, но без работы сидеть не привык), не зная, куда применить неиссякаемую энергию и знания, и вдруг его как осенило – надо книгу написать. Документальную повесть. Рассказать стране и миру о славном роде Шаховских. Перелопатить исторические хроники, отыскать семейные архивы, вспомнить многочисленные рассказы отца и, сопроводив полученную информацию некоторыми художественными отступлениями, создать интересное произведение в духе Валентина Пикуля.

Эта мысль посетила Сергея пять месяцев назад, и вот теперь книга почти готова. Хотя в принципе она могла бы быть написана еще в ноябре, но дело усложнялось тем, что в архивах Сергей сам сидеть не мог (аллергия на пыль не давала житья!), поручал эту работу своему помощнику, нанятому специально. Помощник, кандидат исторических наук Марк Эрнестович Суханский, был, при всем его блестящем уме, настоящим тормозом: все делал настолько медленно и основательно, что архивные изыскания растянулись на месяцы. Другой бы на месте Сергея, пожалуй, такого нерасторопного помощника давно рассчитал, но Отрадову торопиться было некуда, а работа, выполняемая Суханским, его более чем устраивала. Старательный, въедливый, педантичный, Марк Эрнестович корпел над архивными документами с утра до вечера, не пропуская ни единого упоминания фамилии Шаховских. Находя его, сканировал документ и отправлял Сергею по электронной почте – Марк «гастролировал» по архивам разных городов, включая, естественно, московский, а его работодатель все это время находился в родном Светлогорске. Полученные данные Сергей систематизировал, анализировал, и если информация оказывалась заслуживающей внимания, художественно ее обрабатывал и вставлял в рукопись. И вот тут ему уже помогла супруга Елена, имеющая высшее гуманитарное образование, – у отставного вояки Отрадова, привыкшего к лаконичным приказам, возникали некоторые трудности при составлении сложных предложений. Еще Лена давала очень дельные советы, например, предложила на титульный лист поместить генеалогическое древо Шаховских, а отдельные главы сопроводить иллюстрациями.

Сергею идеи жены пришлись по душе, особенно с иллюстрациями. В его компьютере хранилось несколько фотографий, сделанных с портретов его предков, в том числе самого знаменитого – декабриста. На него Марк Эрнестович наткнулся в краеведческом музее Нижнего Новгорода (именитый предок был родом именно оттуда) и очень умело запечатлел на фотоаппарат. Кроме этого портрета, Суханский отыскал еще два, оба в том самом уездном планетарии. Еще один случайно обнаружил сам Сергей, посетив сайт какого-то зарубежного коллекционера живописи. Тот, сын белоэмигранта, собирал портреты русских аристократов, среди которых оказался портрет княжны Шаховской А.С., бабки Георгия. На картине она была запечатлена двадцатилетней, за месяц до свадьбы. Юная нежная прекрасная девушка позировала художнику в декольтированном платье, демонстрируя роскошные формы и еще более роскошные

бриллианты. Те самые, фамильные! Сергей аж вспотел, когда понял, что это именно они, – до того он ни разу не видел картин, на которых драгоценности были изображены, только на фотографии юной Элеоноры. И тут же пришла мысль посвятить целую главу этим сокровищам и их обладательницам. И обязательно сопроводить ее иллюстрациями – портретами Шаховской А.С. и Новицкой Э.Г. Елена идею мужа одобрила и лично отсканировала девичью фотографию его сестры и своей мачехи Элеоноры. Теперь снимок в Сережином компьютере, и Отрадов частенько открывает его, подолгу смотрит, вспоминает, грустит, но грусть эта не берedit душу, а успокаивает, и рождает не слезу, а умиротворенную улыбку.

Вот и сейчас, открыв файл с портретом, Сергей посмотрел на красавицу Элеонору, и уголки его губ чуть-чуть приподнялись. Ни одна женщина не вызывала в нем таких чувств, как сестра. Он любил ее всю жизнь. Не по-родственному – по-настоящему! Он любил ее как женщину, и страсть его, противоестественная, постыдная, скрываема я от всех, кроме Элеоноры, была настолько сильна, что Сергей не жил – мучился, чувствуя себя неизлечимо больным. А излечиться не мог, хотя очень хотел и много раз пытался – заводил романы, увлекался, даже влюблялся, но «болезнь»-любовь все равно побеждала! Выздоровел Сергей только сейчас, когда сестра умерла. Казалось, перейдя в иной мир, она отпустила своего глупого брата, чтобы тот, наконец, познал здоровую, не замаранную инцестом любовь...

Пока Сергей смотрел на портрет сестры, в комнату, деликатно покашливая, чтобы обозначить свое появление, вошел Марк. Он только вернулся из командировки в российскую глупинку, где когда-то располагалось имение одного из предков Сергея, и был одет по-дорожному: в болоньевую куртку, джинсы и высокие ботинки с опушкой. Выглядел он в этом наряде как-то по-дурацки, поскольку обычно носил строгие костюмы с обязательным платочком в нагрудном кармашке, жилеты, подтяжки, а на шее бабочку. Сергея это забавляло, так как Марк был еще молодым мужчиной – Суханскому не исполнилось и сорока, но вынужден был признать, что старомодный наряд шел ему гораздо больше, нежели современные одежды. В ретробархле Марк выглядел пусть и чудаковатым, но довольно интересным, подтянутым мужчиной, а вот в джинсах и свитерах каким-то оплывшим простачком. А все из-за фигуры: не по-мужски задастой, узкоплечей, рыхленькой. Пиджаки и строгие брюки скрывали эти недостатки, а обтягивающие «левисы» и трикотажные свитера их подчеркивали. Марк, понимая это, избегал носить уродующие его одежды, но когда дорожная необходимость не позволяла этого, облачался в идиотскую джинсу и чувствовал себя в ней препоганом. Вот хоть теперь, например! Сергей видел, как тушует ся его ассистент, как старается втянуть живот и пониже натянуть куртку, чтобы прикрыть полные бедра. Поэтому не стал Марка мучить, а сразу предложил ему сесть.

Суханский церемонным поклоном поблагодарил работодателя и плюхнулся на кресло, стоявшее по другую сторону стола, за которым расположился Сергей.

– Я вижу, вы что-то мне привезли, – сказал Отрадов, заметив под мышкой у историка толстый альбом. – Можно взглянуть?

– Да, конечно, Сергей Георгиевич, – отозвался Суханский красивым, хорошо поставленным баритоном и передал Отрадову книгу альбомного формата, на обложке которой золотело заглавие «Памятники архитектуры X-ской области». – Я обнаружил ее в букинистическом. Не смог пройти мимо. Время издания альбома – тридцать девятый год. Тираж – сто экземпляров. Подарочный выпуск. Напечатан специально к какому-то всероссийскому съезду историков-краеведов...

– Что тут?

– Страницы: с двадцать первой по двадцать четвертую. Посмотрите, там кое-что написано о Юрии Шаховском (двоюродном дяде вашего дедушки), основателе Драматического театра города X, и опубликовано много фотографий. В первую очередь, как вы понимаете, строений, коими владел граф, а главное – родового имения, до наших дней не сохранившегося...

– Почему? – удивился Сергей, указав пальцем на колонтитул с названием книги вверху страницы. – Должны были охранять.

– Пострадал во время войны. В часовне был склад боеприпасов, его бомбили, ну и... – Марк развел руками. – От памятника архитектуры осталось так мало, что после войны развалины просто снесли. Но дворец был знатным. Сами видите. До войны в нем был областной Дом искусств... – Ассистент замолчал, недовольный реакцией работодателя – он рассчитывал на бурную радость и слова благодарности, а его слушали с постной миной. – Вы разочарованы? – подавив обиду, спросил Марк. – Если альбом не пригодится, я могу оставить его себе...

– Нет, нет, Марк, это очень ценная находка. Спасибо вам. – Сергей приложил руку к груди, словно в доказательство своей искренности. – Просто меня сейчас занимают не знаменитые покровители искусств и даже не именитые военачальники...

– А кто же?

– Их дочери. Старшие. Те, что владели фамильной реликвией, о которой я вам столько рассказывал. Как бы нам о них побольше разузнать...

– Но это практически невозможно, они же не Шаховские, – по-совиному заморгал своими круглыми глазами Марк. – Они в семнадцать-двадцать лет повыскакивали замуж и сменили фамилии...

– Нет, женщины, унаследовавшие гарнитур, фамилий не меняли. Приставляли мужнину к своей девичьей. Получалась двойная. Типа, Шаховская-Одоевская.

– А как же ваша сестра Элеонора? Почему она стала просто Новицкой?

– Ну а что вы хотите, друг мой? Вспомните, в какое время жила Лина, при каком строе. Отец сам настоял, чтобы она поскорее сменила фамилию. Да и меня записал на мамину...

– Значит, как я понимаю, знаменитые деятели рода Шаховских нас больше не интересуют? – уточнил Марк, и в голосе его Сергей уловил разочарованное удивление – кандидат исторических наук не мог смириться с такой несправедливостью. – А интересуют нас светские барышни с двойными фамилиями, знаменитые лишь тем, что их удостоили чести носить дорожные бриллианты?

– Грубо говоря – да.

– Вы меня удивляете, Сергей Георгиевич! Я-то думал, мы работаем над серьезным исследованием...

– Мы над ним и работаем, только о деятелях мы и так достаточно написали, всех генералов да советников упомянули, а вот об их матерях, женах, дочерях у нас пока нет ни слова...

– Так они ничем и не примечательны, эти матери-дочери, на кой черт они нам сдались?

– И все же мне хотелось бы проследить судьбу хотя бы некоторых наследниц. Вот этой, например.

И Сергей, открыв файл с портретом юной княжны Шаховской А.С (как ее звали: Анной, Аленой, Анастасией – кто знает?), повернул экран ноутбука к ассистенту. Марк посмотрел на него без особого интереса, но, заметив на точеной шее девушки знаменитое кольцо, едва слышно крикнул.

– Вы узнали его, я вижу, – хмыкнул Сергей. – Хотя ни разу не видели – только слышали от меня его описание... Ну и что скажете? Права народная мудрость? Лучше один раз увидеть, чем сто – услышать, а, Марк Эрнестович?

Отрадов щелкнул мышкой по значку приближения изображения, и на экране возник крупный план девичьей шеи, украшенной великолепным колье. Суханский стал внимательно его разглядывать, задумчиво комментируя свои наблюдения:

– Изумительно! Художник потрясающе передал красоту камней. Видна каждая грань... Но уж очень они крупные. Особенно центральный. Это художественная вольность?

– Нет. Камни на самом деле большие, но крайние не очень чистые. А вот центральный, тот самый императорский презент, исключительной чистоты и сейчас может стоить баснословных денег.

– Баснословных? – переспросил Марк, не поверив.

– Навскидку – несколько миллионов евро. От трех до пяти, я думаю. Точнее не скажешь, камень не оценивался с семидесятых. Да и тогда на глазок, без экспертизы, обычным ювелиром по фамилии Шац. Он делал опись Элеонориной коллекции...

Видя, как расширились глаза Суханского (естественно, ему, обычному историку, пусть и с кандидатской степенью, пять миллионов евро показались суммой просто фантастической), Сергей пожал плечами и сказал с улыбкой:

– Сам удивляюсь такой стоимости. Но камень, кроме размера и чистоты, обладает еще одним редким качеством – цветом. Он темно-синий, больше похоже на сапфир, великолепно играет, а таких бриллиантов не так много... – Он, склонив голову набок, внимательно посмотрел на изображение камней. – Хотя по мне, бесцветные или чуть голубоватые красивее. Помню, когда Аня надела кольцо на свою шейку, и камни засверкали, а ее серые глаза стали прозрачными, и это...

Вдруг он замолчал. Да так резко, что Марк испугался, не плохо ли ему. Возраст-то уже преклонный – за семьдесят, в такие годы инсульт, инфаркт и прочие гадости застигают врасплох самых здоровых людей...

– Сергей Георгиевич, что с вами? – забеспокоился Марк Эрнестович. – Вам нехорошо?

– Нет, нет, я в порядке, – поспешил успокоить его Отрадов, но вид при этом имел странный. – Просто до меня только что дошло... – Он закрыл лицо рукой и сдавленно хохотнул. – Боже, как же мы сразу-то не поняли, дураки! Ладно Аня, она не знала, но я-то, я... И видел, и сколько раз слышал... – Сергей опустил руку, хлопнув ею по столешнице. – Синий! Должен быть сапфирово-синий! А в кольцо – голубоватый!

Суханский, внимательно выслушав этот сумбур, дождался его окончания и лаконично сказал:

– Не понял.

– Императорский презент – фальшивка.

– То есть императрица подарила вашему предку не бриллиант?

– Нет, она-то как раз преподнесла настоящий алмаз, а тот, что висит на цепочке сейчас, – стекляшка. Ну, или не стекляшка, а хрусталь, может, даже бриллиант, только не тот, знаменитый...

– Почему вы так решили?

– А я вам сейчас покажу, и вы сами убедитесь, – заверил ассистента Отрадов и защелкнул кнопку мыши.

Через минуту из принтера вылезли два листа с распечатками. На одном был портрет молодой княжны в бриллиантах, на втором фотография девушки постарше: хорошенькой, светлоглазой, смугленькой, едва уловимо похожей на Сергея. Как понял Марк, это была его дочь Аня. Но не успел Суханский ее рассмотреть, как Отрадов схватил распечатки и, положив их на стол вплотную друг к другу, спросил у ассистента:

– Теперь видите разницу?

– Нет, – честно ответил Марк.

– Тот бриллиант, что на картине, заметно отличается от соседних. Художник даже усилил это отличие – сделал сапфировый оттенок более выраженным. В реальности различие не такое разительное. А вот на фото, посмотрите, – он постучал кончиком пальца по изображению дочери, – все камни одинаковые! Одинаковые ведь, согласитесь?

– Согласен, но на мое мнение не стоит опираться. Я совершенно ничего не смыслю в бриллиантах и ни за что не отличу голубой от синего, как, впрочем, настоящий от поддельного...

– Я, как выяснилось, тоже, – невесело улыбнулся Сергей. – Но несоответствие оттенка должен был заметить – я ж столько раз видел кольцо воочию, и на Элеоноре, и на Ане, и на Фросе, но мне никогда... Стоп! – Отрадов замер с поднятыми руками, будто сдавался невидимому врагу. – В семидесятых, когда проводилась опись, кольцо украшал настоящий бриллиант. Шац заметил бы подделку даже без экспертизы. В восьмидесятых тоже. Когда я, уйдя в отставку, переехал с Дальнего Востока в Москву, мы часто с Элеонорой виделись. И она иногда надевала гарнитуры, выдавая его за бижутерию... – Он свел густые седоватые брови, нахмурившись. – Я точно помню, камень был синим – сестра много раз заостряла на этом внимание, говоря, что этот цвет ей не очень идет и она хотела бы, чтобы камни были просто бесцветными, а лучше голубыми, под цвет ее глаз...

– Выходит, она заменила камень, чтобы кольцо гармонировало с цветом ее глаз?

– Не думаю, что причина в этом. Скорее Элеонора просто боялась выставлять напоказ знаменитый бриллиант – ведь среди ее приятелей были люди, разбирающиеся в драгоценностях, и они из зависти могли навести воров или донести кому следует... – Сергей в задумчивости потерел кончик массивного носа. – Такие вещи надо хранить в банковских сейфах, не зря же многие богатые люди заказывают копии своих украшений и носят их. А оригиналы прячут в бронированных коробках.

– Но почему ваша сестра никого не предупредила? – недоуменно спросил Марк. – Наследницу, например. Или хотя бы вас, своего брата.

– Могла не успеть – я же вам говорил, что ее убили.

Марк, естественно, помнил об этом. Но так же он помнил и другое: Элеонора Георгиевна, затейница, не просто завещала свою коллекцию старинных украшений внучке, она втянула всех в игру «Найди сокровища». Не поленилась закопать их, а инструкции к поиску зашифровать и спрятать... Маразм какой-то! Только Элеонора ни в каком маразме не была (просто так развлекалась), о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в тайнике лежало нотариально заверенное завещание, по которому семейное кольцо отходило внучке Ане. Но в нем, если верить Сергею, не было ни слова о том, что знаменитый камень поддельный! Так, может быть, подмену совершила не она?

– Что, если подмену совершила не она? – озвучил свою мысль Марк.

– А кто?

– Предположим, ее супруг или любовник. Сын, внучка, внук. Друг семьи. Ювелир, ремонтирующий застежку... Кто-то из них выкрал кольцо и незаметно поменял камни.

– Элеонора бы заметила. Уж кто-кто, а она синий бриллиант от голубого отличила бы вмиг.

– Значит, она сама?

– Вероятнее всего. Помню, у нее был хороший друг по фамилии Львов. Он делал изумительные украшения. Под старину. И реставрировал прекрасно. Ремонтировать застежки, к слову, Элеонора поручала ему же. – Сергей, не переставая говорить, потянулся к телефону и стал набирать какой-то номер. – Скорее всего, именно Львов выполнил ее заказ по подмене камней...

– Вы звоните ему? Львову?

– Он давно умер, – ответил Сергей. – Кажется, в девяносто первом, когда понял, что все его сбережения превратились в дырку от бублика. А звоню я в кассу аэропорта, чтобы заказать билет на самолет.

– Куда вы собрались?

– В Москву.

– Зачем?

– Чтобы найти настоящий бриллиант! – азартно воскликнул Сергей и, по-молодецки вскочив со стула, понесся к двери, торопливо диктуя в трубку, на какой рейс хотел бы заказать билет.

– А мне что делать? – крикнул ему вслед Марк.

– Поедте со мной, – бросил через плечо Отрадов. – Поможете мне.

– Но я только что с поезда! Устал...

– В самолете отдохнете.

Марк сдавленно застонал, но спорить с работодателем не стал, встал с кресла и поплелся к выходу за энергично шагающим Сергеем Отрадовым.

Ева

Ева сидела на диванчике в холле своей квартиры и тупо смотрела в стену. Надо было бы встать, раздеться, но двигаться не хотелось. Ничего не хотелось, только плакать, но этого она себе позволить не могла. И не столько из-за того, что потом покраснеют глаза, а нос распухнет, потеряв свою греческую безупречность, просто суки не плачут. Холодные, эгоистичные суки, к коим Еву относили не только окружающие, но и она сама, плевать хотели на несчастья, произошедшие не с ними. Да, убит ее брат, некогда любимый, но в последнее-то время они не общались, а все из-за Дусика, он стал таким придурком, что плакать из-за него...

Горячая слеза выкатилась из уголка глаза и побежала по щеке. Ева всхлипнула, но тут же опомнилась, яростно вытерла лицо и заставила себя встать. Раздевшись, она направилась в кухню, где налила себе стакан перцовки, который залпом выпила. Крепкий алкоголь тут же обжег желудок, и Ева почувствовала тошноту. Несмотря на это, она налила себе еще, уже меньше, и, прихватив сосиску, вернулась в холл ожидать приезда милиции, которую вызвала сразу, как только Дусик умер.

Ждать пришлось недолго. Не успела Ева доесть сосиску, как в коридоре раздался топот многочисленных ног. Услышав его через щель в незакрытой двери, Ева затолкала остатки «трапезы» в рот и вышла на лестничную клетку.

Ментов было трое. Один очень юный, скорее всего, стажер. Второй, напротив, пожилой, усталый, судя по мученической гримасе на постной физиономии, предпенсионник. Третий среднего возраста, худощавый, невысокий, с топорщившимися на макушке черными волосами и бармалейскими усами – по первому впечатлению именно он был самым главным.

– Здас-с-с-сте, – процедил «главный», едва взглянув на Еву. – Вы труп нашли?

Ева собралась ответить, но тут к ней подскочил стажер и пропищал подростковым тенорком:

– Документики предъявите.

– Не надо пока никаких документиков, – отмахнулся усатый. – Я эту даму знаю...

– Я тоже, – вякнул милиционерчик уже фальцетом. – Это Ева Шаховская. Певица.

– Она же Ефросинья Эдуардовна Новицкая.

– Откуда вы знаете мое имя? – холодно спросила Ева.

– Ну как же, Ефросинья Эдуардовна? Неужто вы меня не помните? – Он с деланой обидой вздохнул. – Мы ж с вами не так давно пересекались...

Ева внимательно посмотрела на усатого мента и тут же его узнала.

– Вы тот следователь, что вел дело об убийстве моей бабки, – несколько удивленно сказала Ева.

– Совершенно верно, – кивнул в ответ усатый мент. – Майор Головин, Станислав Павлович, к вашим услугам.

– Охренеть! – закатила глаза Ева. – В московской ментуре что, кроме вас, следователей нет?

– Почему же? Есть.

– Тогда какого черта приперлись именно вы? Опять вы? Скажете, это совпадение? – Он неопределенно пожал плечами. – И вообще, с каких пор следователи приезжают на место преступления вместе с операми?

– По-разному приезжают, – мирно парировал Головин. – Это у кого как получится... Иногда не получается вовсе. Тогда мы полагаемся на составленные операми протоколы... – Неспешно говоря, он осмотрел труп, затем обвел взглядом пол, на который натекла кровавая лужа, стены, кадку с пальмой, что украшала холл. Взгляд его был цепок, предельно внимателен, но говорил он по-прежнему о какой-то ерунде: – Хорошо тут у вас, Ефросинья Эдуардовна. Красиво! А пальма какая замечательная. Живая аль как?

– Меня зовут Ева, – отрезала она. – Я давно сменила имя и паспорт, так что документик вам мой понадобится... Предъявить?

– Сначала побеседуем.

– Надеюсь, не здесь?

– Конечно, нет. – Головин указал вытянутой ладонью на дверь Евиной квартиры. – Пройдемте.

Ева вошла в квартиру первой, следователь за ней. Попав в прихожую, он с интересом осмотрелся.

– Так вот, значит, какие хоромы вы у бабки отобрали, – хмыкнул Головин, закончив тарашиться на антикварную мебель и картины на стенах. – Царское жильё, ничего не скажешь!

– Майор, вы долго будете ваньку валять? – зло спросила Ева. – Допрашивайте меня скорее и валите отсюда. Я устала.

– Что так?

– Только сегодня вернулась с гастролей по Поволжью, дома не была две недели, – соврала она – на самом деле в Москву она три дня назад попала.

– А тут раз – и труп, да?

– Да, – сухо ответила Ева, решив умолчать о том, что в момент ее прихода Дусик был еще жив. – Вопросы по существу будут?

– Давно вы с братом виделись?

– Давно.

– Сколько лет прошло?

– Два года, а то и больше.

– То есть вы хотите сказать, что после того, как Денис Эдуардович освободился, вы не встречались?

– Именно это я и хочу сказать.

– Почему?

– Что почему?

– Почему не встречалась, брат как-никак?

Ева шумно выдохнула, всем своим видом давая понять, как ее задолбали эти дурацкие вопросы, но все же ответила:

– Он не приходил, да и я встречи не искала.

– Не приходил? – переспросил Головин, наморщив лоб.

– Нет.

– А вот ваша соседка, Амалия Федоровна, утверждает обратное.

– Кто такая Амалия Федоровна?

– Та бабка, что на месте консьержа сидит.

– Генеральша Астахова? – Ева хмыкнула. – Не знала, что ее Амалией зовут... Так что там она утверждает?

– Что брат не один раз к вам приходил!

– Может, он и приходил, но я с ним ни разу не встречалась, – отрезала Ева.

– Это вы брата убили? – буднично спросил Головин.

– Что-о-о-о?

– Повторяю. Это вы...

– Я никого не убивала! – вскричала Ева, впервые потеряв самообладание. – Вы что, сдурели, майор? Когда я вошла, он уже был... – Она замолчала, шумно выдохнула, стараясь успокоиться, и через пару секунд продолжила привычным ледяным тоном: – Вы думаете, я идиотка? Чтобы грохнуть брата в собственном подъезде, это ж какой кретинкой надо быть! Ведь ясно, что подозрение падет именно на меня!

– Напротив, Ефроси...

– Ева! Меня зовут Ева! Можно без отчества!

– Вот я и говорю, Ева, что считаю вас умнейшей женщиной. – Головин подался вперед и, сощуривая свои пронзительные зеленые глаза, остро посмотрел на собеседницу. – И очень, очень хитрой. Вы похожи на героиню Шэрон Стоун из «Основного инстинкта», которая, если вы помните, сразу стала первой подозреваемой, но умудрилась избежать...

– Я смотрела этот фильм, не надо мне пересказывать его содержание, – прорычала Ева, сдерживаясь из последних сил.

– Это хорошо, значит, вы и без меня помните, что дамочка копировала описанные собой же убийства. Чикала мужичков ножичком, как в детективчике, а потом говорила: ну я же не дура, чтобы убивать так же, как...

Головин собирался продолжить фразу, но тут в квартиру, естественно, без стука, ввалился незнакомый Еве опер: тощий, длинный, потрепанный, с лицом, измученным каждодневными возлияниями и тяжестью ментовского бытия. С тоскливой физиономией он подошел к майору и молча продемонстрировал короткоствольный пистолет, который держал двумя пальцами за мушку.

– Где нашли? – живо поинтересовался Головин, буквально прилипая к стволу носом, и, по всей видимости, уловил запах пороха.

– В горшке, – флегматично ответил опер.

– Каком еще...

– В котором пальма растет.

– Тогда не в горшке, а в кадке, – поправил коллегу грамотный следователь.

– Один хрен, – хмыкнул тот и удалился.

Когда унылая спина оперативника скрылась за дверью, Головин растянул узкие губы в джокерской улыбке и бодренько так спросил:

– Что скажете, госпожа Новицкая?

– Вы о чем?

– О пистолетике. Девятимиллиметровом «браунинге», из которого, предположительно, убили вашего брата. Вы же слышали, наверное, что его нашли в кадке... Не ваш пистолетик-то?

– Не мой.

– И вы никогда его не видели и в руках не держали?

– А вы отпечатки проверьте.

– Да кто в наше время на стволах отпечатки оставляет! Все ж кино про разбитые фонари смотрят, знают, что «пальчики» стирать надо...

Ева никак на этот выпад не прореагировала, решив не поддаваться на провокации, а отвечать только на вопросы по существу. Головин, уловив настроение допрашиваемой, перестал паясничать и спросил серьезно:

– Значит, вы утверждаете, что пистолет не ваш?

– Нет.

– И как он попал в кадку с пальмой, стоявшую у *вашей* двери, не предполагаете?

– На площадке еще четыре квартиры. Может, кто из соседей его туда сунул...

– Хотите сказать, кто-то из соседей и вашего брата убил?

– Все может быть.

– А мотив?

– То есть у меня, по вашему мнению, он есть?

– Конечно.

– Ну-ка, ну-ка?

– Первый – давняя вражда. Я знаю, вы рассорились с братом еще до того, как он сел. Денис обвинял вас в том, что вы его обобрали, присвоив бабушкину квартиру со всем антикварным имуществом себе, трубил по всем углам, какая вы гадкая особа, и вы его за это ненавидели...

– Настолько, что решила его убить? – Ева презрительно скривила безупречные губы. – Не смешите, майор. Вы сами только что сравнивали меня с героиней «Основного инстинкта», а такие женщины из ненависти не убивают, только ради забавы... – Она позволила себе загадочную, как раз в духе Шэрон Стоун, улыбку. – Тем более что я Дусика не ненавидела. Мне было на него и на его обвинения чихать!

– Это раньше, до того, как вы стали популярной певицей. Теперь же вам ни к чему скандалы...

– Вы не знаете шоу-бизнеса, господин следователь. Скандалы мне только на руку, это лишняя реклама.

– Антиреклама.

– Ну с моим-то имиджем именно такая работает лучше всего!

– А если предположить, что Денис вас шантажировал или требовал своей доли, а вы не хотели делиться...

– Предполагайте на здоровье, – фыркнула Ева. – А вот когда у вас появятся факты, приходите. – Она демонстративно зевнула, не удосужившись прикрыть рот ладонью. – Теперь же попрошу меня оставить. Надеюсь, я помогла следствию, и вы найдете убийцу моего брата в ближайшее время...

– Позвольте еще пару вопросов? – смиренно потупив очи, молвил Головин.

– Слушаю, – процедила Ева.

– Когда вы вышли из лифта, ничего подозрительного не заметили? Удалявшегося силуэта, например. Метнувшейся тени...

– Ничего такого, – подумав, ответила она.

– Может, слышали что? Шаги? Шорохи? Звук закрывающейся двери?

Ева покачала головой.

– Тогда просто опишите свои действия. Вот двери лифта открылись, и...?

Понимая, что допрос не кончится до тех пор, пока Головин не вытянет из нее все жилы, Ева собралась по возможности кратко ответить, но тут на площадке раздался громкий, хорошо поставленный голос генеральши Астаховой:

– Это она его убила, больше никому! – выдала она прокурорским тоном. – Посторонних утром я в подъезд не пускала, а из жильцов дома находились только женщины...

– А женщины разве убить не могут? – раздался в ответ ленивый возглас одного из оперов, судя по всему, того самого, опойного.

– Еще как могут! Но только не наши жилички. Тут одни новые русские квартир понакупали, а у них супруги сплошь глупые курицы. Молодые «миски», ограниченные и безобидные. Им бы только по салонам да магазинам таскаться... Они на убийство не способны!

– А Ева Новицкая, по-вашему, способна?

– А то! Эта стерва... – Астахова запнулась, углядев в дверной щели нахмуренное лицо Евы, но не смогла задушить в себе рвущуюся из глубины души ненависть. – Она на многое способна. Уж коль бабушку родную из квартиры выжила...

– Заткнись, дура, – рявкнула взбешенная Ева.

– А вот и не заткнусь, – мстительно процедила генеральша. – Бабку выжила, брата бросила. Он, бедный, как освобожденный (сел несчастный мальчик ни за что! Уверена – это Фроська его подставила!), сразу к сестре родной, а ее типа дома нету!

– То есть потерпевший несколько раз приходил к сестре, а она делала вид, что отсутствует?

– Приходил, – поддакнула Астахова. – Но его никогда не пускали в квартиру...

– Меня дома не было, – дивясь старухиному вероломству, бросила Ева. – Я и понятия не имела, что брат вышел... – Она бросила почти умоляющий взгляд на Головина. – Эта ведьма мне даже не говорила, что Денис появлялся тут и меня спрашивал!

– Спрашивал, спрашивал, – словно не слыша ее оправданий, прошуршала генеральша. – Говорил, что повидаться хочет. Я-то его с детства знаю, вот и пускала...

– Пускали? – переспросил «опойный».

– Ну да. Раз три разрешала в родной подъезд войти и на диванчике этом... – Она указала на тот самый предмет мебели, где Дусик испустил свой последний вздох, – подождать.

– Но с сестрой он так ни разу и не встретился?

– При мне нет, – поджала губы старуха. – Но я тут редко дежурю...

Ева стиснула зубы, чтобы не обматерить подлую бабу (запас ненормативной лексики у нее был огромный!), и мученически посмотрела на следователя. Но тот ее не пощадил:

– Вы первая подозреваемая, надеюсь, это понимаете?

– И что? – только и смогла сказать Ева.

– Подписка о невыезде для начала, – пожал не очень развитыми плечами Головин. – Потом посмотрим...

– У меня гастроли!

– Придется отменить.

– А вот хренушки, – запальчиво возразила Ева, прищурившись, как разозленная кошка.

– Госпожа Новицкая, вы что, еще не поняли, как серьезно влипли? – чуть ли не с жалостью спросил Головин. – Думаете, мы тут в бирюльки играем? Так вот, говорю вам последний раз: вы пока единственная подозреваемая. И очень перспективная...

– Майор, подождите... – прервала его Ева, по-настоящему испугавшись. – Как вас там? Станислав Петрович?

– Палыч.

– Станислав Павлович, вы же разумный человек, ну подумайте сами, какой идиоткой нужно быть, чтобы орудие убийства спрятать чуть ли не под своим ковриком? Ведь ясно же, что вы будете тут все обыскивать... – Головин открыл рот, чтобы прокомментировать ее высказывание, но Ева не дала себя перебить: – И потом, пистолет, как я успела заметить, был без глушителя, а коль я убила Дусика именно из него, то звук выстрела должен был разнести по всему подъезду, но ничего такого не было... – Она посмотрела на Астахову, которая слушала, напряженно сморщившись, и с несвойственной ей заискивающей интонацией спросила: – Вы ведь не слышали никаких выстрелов, да, Амалия Федоровна?

– Не слышали? – повторил Евин вопрос Головин.

И тут настал звездный час генеральши Астаховой. Выдержав такую длинную паузу, что ей рукоплескал бы сам Станиславский, Амалия Федоровна торжественно, но в то же время скорбно, будто оглашая смертный приговор, произнесла:

– Слышала.

Ева Новицкая и Станислав Павлович Головин в унисон (только с разной интонацией: Ева возмущенно, а Головин заинтересованно) вскричали:

– Что-о-о?

– Что, что? – нахохлилась бабка. – Выстрел. Так бабахнуло, что у меня со страху...

– Врет она все, – с ненавистью бросила Ева. – Наговаривает на меня, только не пойму зачем. Может, приплатил ей кто, чтоб меня подставить...

– Нужна ты кому, – скривилась Астахова и, повернувшись к Головину, отчеканила: – А выстрел был! Точно говорю.

– Когда он прозвучал?

– А вот как она из лифта вышла, – доложила генеральша, дернув своей вставной челюстью в Евину сторону. – Гляжу, кнопка лифта перестала мигать, остановился он, значит. И тут как грохнет!

– Это я банку уронила, – вскричала Ева, с радостью и облегчением поняв, о чем говорит старуха. – С консервированной фасолью. А она грохнулась о пол, потом покатилась... – Она вскочила с дивана и метнулась в сторону кухни со словами: – Я сейчас вам ее покажу! – И, не слушая протестов следователя, вернулась в прихожую со злополучной жестянкой. – Вот, смотрите, – она сунула банку Головину под усы. – Видите, тут даже вмятина осталась...

Майор, поморщившись, отодвинул злосчастную банку от своего лица. По его виду Ева не поняла, поверил он ей или нет. Она вообще никак не могла уяснить, всерьез он считает ее виновной или просто издевается. Эта неопределенность жутко ее нервировала, поэтому Ева решила расставить все точки над «i» незамедлительно:

– Вы действительно меня подозреваете?

– Ну я же вам сказал...

– Нет, я не спрашиваю, являюсь ли подозреваемой, я хочу знать, вы, лично, следователь Головин, думаете, что это я убила брата?

– Вам так важно это знать?

– Да.

Головин жестом приказал подчиненным увести упирающуюся Астахову и записать ее показания, и только после того, как дверь за старухой плотно закрылась, он ответил Еве:

– Хорошо, я скажу, – и довольно неприятно ухмыльнулся. – Я уверен, что это ваших рук дело. Не утверждаю, что убийство преднамеренное. Скорее наоборот. Думаю, вы потеряли контроль над собой и выстрелили. Быть может, вообще не хотели убивать, просто поугадать, но пистолет выстрелил – там курок слабый... – Головин говорил, а его взгляд так и шарил по лицу Евы, точно пытался найти на нем подтверждение своим словам. – Застрелив брата, вы растерялись и не успели придумать, что делать и говорить. Поэтому сейчас вы так непосредственно себя ведете: нервничаете, оправдываетесь и явно боитесь. Но вы не очень расстраивайтесь. Убийство в состоянии аффекта не самое страшное преступление. При хорошем адвокате (а у вас, я не сомневаюсь, он будет самым лучшим!) вы отделаетесь малым сроком. Если же явку с повинной оформить, то вам может грозить лишь условная судимость...

– Да идите вы в задницу, товарищ майор, – устало, без всякой злости сказала Ева. – И не думайте, что я поведу на эту разводку.

– Вы о чем, гражданка Новицкая? – нисколько не обиделся на далекий посыл Головин.

– О том, что вы сейчас пытались подвести меня к чистосердечному признанию! – Ева ткнула в следователя острым ногтем и, уже не сдерживая эмоции, прорычала: – Только хрен дождетесь! Я никого не убивала, тем более собственного брата. Я невиновна! Так что вам придется постараться и найти настоящего убийцу!

– Ну да. Ну да, – пробурчал Головин, вставая. – Ваша позиция мне ясна. – Он старательно разгладил свои старые, но очень тщательно отглаженные брюки, смахнул с них несуществующие пылинки. – Только и вы помните, что в милиции не идиоты работают. Мы обязательно

докопаемся до сути. И если я прав относительно вас, вы отправитесь за решетку... – Он глянул на нее снизу вверх (Ева была выше следователя на полголовы) своими холодными глазами. – Я посадил вашего брата, посажу и вас!

Сказав это, Головин по-волчьи оскалился, развернулся и пошел к выходу. Ева проводила его взглядом. Когда за майором закрылась дверь, она упала на диван, опустила лицо в сложенные ладони и разрыдалась, жалея уже не Дусика, а себя, и боясь за свою прекрасную шкурку...

Наплакавшись, Ева вытерла сопливый нос о велюровую обивку диванного подлокотника, встала, прошла в кухню, налила себе полный стакан перцовки, поднесла ко рту, но тут же отставила и схватилась за телефон. С горя квасят только слабаки, а Ева всегда считала себя сильной и волевой, поэтому, вместо того чтобы напиться и забыться, решила действовать. И первое, что она должна сделать, это найти себе адвоката и впредь беседовать с ментами только в его присутствии. К тому же ей не помешают профессиональный совет и юридическая помощь.

Взяв трубку, Ева на мгновение задумалась. Она никогда не обращалась к юристам – не было надобности, поэтому телефонов адвокатских контор в памяти ее аппарата не было, зато в собственной памяти хранился один, не забывшийся с годами. Ева его и набрала. Когда в трубке раздалось: «Приемная адвоката Моисеева, здравствуйте», она облегченно выдохнула и, хищничко улыбнувшись, подумала – ну теперь-то, душка Петенька, ты от меня никуда не денешься!

Эдуард Петрович Новицкий

Вульф швырнул телефонную трубку на стол и шумно выдохнул. Только что ему сообщили о кончине его сына Дениса, и он не знал, как к этой новости отнестись. С одной стороны, родная кровь, наследник, надо бы горевать, но с другой – Эдуард Петрович давно перестал воспринимать Дусика как частичку себя. И дело даже не в том, что отец и сын были разлучены еще в детстве, просто Денис как человек был Вульфу неприятен. Трусливая скотина, слабак, глупец и наглец – вот такие эпитеты Эдуард Петрович мог подобрать, чтобы охарактеризовать сына, и эта характеристика вызывала у него приступ отвращения. Вульфу был неприятен тот факт, что из его семени взросло такое никчемное существо. Конечно, ему и сыновья половая ориентация покоя не давала, но все же не это было приоритетным в его отношении к Дусику. Был бы он просто пидорком, пускай, можно и смириться, но с малодушием Вульф мириться не хотел, вот с сыном и не контактировал.

С тех пор как тот загремел в тюрьму, Эдуард Петрович с Денисом ни разу не встречался. И содействия не оказывал, хотя мог бы. Сразу решил: пусть сам устраивается. И Дусик устроился! Вполне сносно. Сразу покровителя завел из числа авторитетных мужиков. Да такого, который, «откинувшись», не забыл о своем зоновском любовнике, помог освободиться раньше – Дусику три года дали, а отсидел он только два. Больше месяца на свободе пробыл, и вот...

Умер!

Вульф наморщил свой крупный нос, возвращаясь воспоминаниями к сыну. Жалко все-таки пацана! Пусть дураком был и слабаком, но не каким-нибудь отморозком или маньяком, а значит, заслуживает сочувствия. Тем более отцовского! Только Вульф разбазаривать свои эмоции не привык, вот и сидит, как сыч из папье-маше, не выражая никаких чувств, а в сердце все ж таки что-то екает...

– Жалко пацана, – озвучил свои потаенные мысли Вульф, но так тихо, что никто не услышал. – Мог бы жить еще и жить...

Эдуард Петрович покрякал с сожалением, потом встал с дивана и направился к выходу из комнаты. Шел он легко, пружинисто, и ничто в его энергичной походке не говорило о том, что еще два года назад он еле таскал свое тучное тело. С тех пор он похудел на пятьдесят кило-

граммов и теперь уже не помнил, как задыхался и потел при ходьбе. Помнится, он даже хотел пойти на крайние меры – липосакцию, – чтобы обрести стройность, но из-за страха перед операцией откладывал и откладывал... И хорошо, что откладывал! Потому что сбросить вес получилось без новомодной пластики. Спецпитание, спецгимнастика, спецмассаж – все по какой-то мудреной китайской системе, а также обертывание какими-то вонючими водорослями, принятие их вытяжки внутрь, болезненное иглоукалывание, ванны... Все это позволило толстяку Эдику стать стройным и красивым. Многие теперь находили его похожим на Джорджа Клуни, и Вульф это немного льстило – как-никак с первым голливудским секс-символом сравнивали, да не с каким-нибудь женоподобным смазливцем, а с настоящим мужчиной!

Вульф прошел из кабинета в детскую, откуда слышался залихватский смех сына Брюса и нежное воркование его матери Ли-Янг. Услышав эти звуки, Новицкий совершенно по-идиотски улыбнулся и в который раз подумал: «За что ж мне такое счастье?» Но копаться в этом вопросе не стал (сам знал – ни за что!), просто поблагодарил бога за милость и заспешил к своим любимым узкоглазикам – жене и сыну.

Не успел Вульф войти в комнату, как Брюс кинулся к нему, сметая на своем пути замки из «Лего», пирамиды из кубиков, шеренги машин и горы плюшевой живности. Подлетев к отцу, мальчишка обнял его за ноги и взвизгнул: «У-у-ук!» Это означало, что папа должен взять его на руки.

Эдуард Петрович поднял малыша, прижал к груди, чмокнул в затылок, густо поросший прямыми черными волосиками. Брюс протестующе задержал ножонками – он терпеть не мог телячьи нежности. Вульф хмыкнул, но больше с поцелуями лезть не стал. Просто с умилением смотрел, как сын играет с его массивным крестом, и дивился на себя. Никогда никого он так не любил, как этого постреленка: ни Дениску, ни Фросю, ни отца, ни сестру Лену, ни своих многочисленных женщин... Разве что мать, Элеонору, блестящую Элеонору, магически действующую на всех мужчин, включая маленьких, но это было так давно, что подзабылось. А вот что вспоминалось, так это холодное одиночество, испытываемое на протяжении многих лет и вымораживающее всю душу. Такое ледяное, что Эдуард Петрович думал – все во мне умерло! Вымерзло, как застигнутая врасплох поздними заморозками первая зелень. Но он ошибался, как выяснилось. Чувства его оказались морозоустойчивыми, сильными, способными к возрождению. И возродил их черноволосый гномик, внешне так не похожий на него, Вульфа, но характером пошедший в сильного, волевого отца. Только сам Эдуард Петрович стал таким после череды жизненных невзгод (до этого он был избалованным маменькиным сыночком, чем-то напоминавшим Дусика), а Брюс таким уродился. Настоящим маленьким борцом, упрямым и решительным. И Вульфу хотелось верить, что тот останется таким до конца своих дней. Не сломается, не испортится, не измельчает... И будет при этом честным человеком, не таким, как его беспутный отец!

Пока Вульф размышлял, Ли-Янг собирала разбросанные сыном игрушки, но краем глаза следила за лицом мужа и заметила на нем признаки печали. Печаль скрывалась в морщинках у глаз и крыльях носа. Она омрачала его высокий лоб. Она таилась в складке под красиво очерченной нижней губой. Ли-Янг давно заметила, что Эдуард, расстраиваясь, на глазах стареет. Сейчас же он выглядел просто столетним.

– У тебя что-то случилось? – спросила Ли, подойдя к нему и заглянув в глаза. – Неприятности, да?

– Убили моего сына, – бесстрастно ответил Вульф.

– Дусика? – ахнула супруга и выронила из рук плюшевого слона почти одного с собой роста. – Убили?

Вульф, нахмурившись, посмотрел в лицо жене и, не понимая причины столь бурной реакции, повторил:

– Убили. – И, поставив Брюса в манеж, спросил сурово: – А почему тебя это так расстроило?

– Ну как же? Он ведь твой сын, – пролепетала она, пряча глаза.

Вульф, не обращая внимания на похныкивание сына, требующего выпустить его из «загона», наклонился к жене. Лицо Ли было бесстрастным, но он, прекрасно знавший ее, к тому же обладающий звериным чутьем, понял – она что-то скрывает. А ее бесстрастное лицо лишь маска, скрывающая настоящие эмоции.

– Ты знала моего сына? – задал вопрос Вульф.

– Нет, – поспешно ответила Ли, каменея лицом еще больше.

– Не ври!

– Не знала. Откуда мне?..

– Тогда откуда тебе известно, что его зовут Дусиком?

– Ты мне...

– Нет, Ли, я никогда не упоминал при тебе его прозвища, – отрезал Вульф. – Так что придется расколотся...

Ли-Янг упрямо сжала свой маленький рот.

– Если б я не знал, что Дусик – гей, я бы решил, что вы были любовниками, – немного растерявшись, пробормотал Вульф.

– Не говори глупостей, – тихо сказала жена.

– Вот и ты не говори! – Он взял Ли-Янг за подбородок и развернул ее лицо так, чтобы видеть глаза. – Ответь мне просто – ты знала Дусика, да или нет?

Ли-Янг с тяжелым вздохом кивнула.

– Откуда?

– Он приходил сюда.

– Что-о-о? – грозно рыкнул Вульф, хотя на жену старался голоса не повышать, а особенно в присутствии Брюса.

– Вот поэтому я тебе и не говорила, – со слезами в голосе прокричала Ли-Янг, но, заметив, как испуганно смотрит на них сын, перешла на шепот. – Я знаю, ты вычеркнул Дениса из жизни. Ты не помогал ему, не хотел видеть. А мне было его жалко. Он хороший парень, просто...

– Слабохарактерный, – подсказал Вульф, вспомнив фильм «Джентльмены удачи». – А теперь поподробнее о том, когда он приходил, зачем, сколько раз.

– Месяц назад впервые. Потом еще два раза.

– Зачем? Денег кланчить?

– Нет, он хотел с тобой увидеться...

– Но деньги все равно кланчил, да?

– Я сама дала.

– Много?

– Конечно, нет. Мелочь. Чтобы он башмаки себе приличные купил, а то явился в каких-то стоптанных кедах...

– Дусик в кедах, да еще стоптанных? – не поверил своим ушам Вульф.

– А что тебя так удивляет? Парень только освободился, откуда у него деньги на обновки?

– У этого парня еще с тюряги есть покровитель – авторитетный вор по кличке Вольфрам. Мужик он хоть и не шибко богатый, но денежный. По крайней мере, на башмаки любовнику, думаю, пару тысяч наскреб бы...

– Значит, не наскреб, – пожал плечами Ли-Янг. – Может, они расстались...

– Да и черт с ними, – поморщился Вульф, ему эта «голубая» тема всегда была отвратительна. – Скажи лучше, как Дусик узнал мой адрес? Или ты не знаешь?

– Вообще-то его мой брат Чен привел. Они, оказывается, были знакомы еще до тюрьмы...

- Твой брат тоже педик? – брезгливо скривился Эдуард Петрович.
- Да почему сразу – педик? – оскорбилась Ли-Янг. – Что, они не могут просто дружить?
- Не знаю, не знаю...
- Вот и не клевети на людей, раз не знаешь! – Она сжала свой маленький пухлый ротик в бутончик и возмущенно засверкала глазами, но быстро сменила гнев на милость и продолжила вполне спокойно: – Чен пришел ко мне в гости. Привел друга. Я сначала и не знала, что он твой сын. Только потом, когда мы познакомились, попили чаю, он признался...
- И сказал, что пришел, потому что хотел со мной повидаться, так?
- Так.
- Тогда почему меня не дождался, а слинял, получив от тебя бабки?
- Я его отговорила. Сказала, что сначала должна тебя подготовить, прощупать почву...
- Помню я, как ты ее прощупывала, – фыркнул Вульф. – Задолбала меня вопросами о первом сыне. Все интересовалась, почему я с ним не вижусь... – Он взмахнул ладонью, как бы говоря «проехали». – Короче, Ли, что дальше?
- Он пришел через неделю. Уже без Чена. Просидел тут часа три...
- Так долго?
- Он с Брюсом играл, и твой младший сын был от старшего в восторге – отпускать не хотел!
- Что Дусик про себя рассказывал?
- Ничего определенного. Только вскользь пожаловался, что работу найти не может. Никто, говорит, нас, бывших эков, брать не хочет.
- Давил на жалость, понятно, – усмехнулся Эдуард Петрович.
- Эдик, ну зачем ты так?
- Детка, мой сынуля всю сознательную жизнь стриптизером в гей-кабаках да у поющих педиков на подтанцовках «работал». Надеюсь, ты понимаешь, что трудоустройство на прежние места совершается без заполнения анкет. Это тебе не режимный завод! – Эдуард Петрович сморщил лоб, что говорило о напряженной работе серых клеток, и задумчиво произнес: – Дусик втирался к тебе в доверие, чтобы быть в курсе моей жизни, зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.